коллекция журнала

ФОМА

20 великих стихотворений

Кем, как и почему они написаны?

ePUB

Представляем очередное издание из серии "Коллекция журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB на мобильных устройствах.

Серия "Коллекция журнала "ФОМА" основана на материалах редакции.

ВНИМАНИЕ!

Полные выпуски доступны в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить их оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

20 ВЕЛИКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

В проекте 20 великих стихотворений мы с христианской точки зрения рассматриваем известные стихотворения русских поэтов. Кем, как и почему написаны эти стихотворения, которые мы считаем знаковыми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. **Белла Ахмадулина**
2. **Анна Ахматова и Апокалипсис**
3. **Иннокентий Анненский**
4. **Ольга Берггольц**
5. **Александр Блок**
6. **Иосиф Бродский**
7. **Валерий Брюсов**
8. **Афанасий Фет**
9. **Александр Галич**
10. **Николай Гумилёв**
11. **Михаил Лермонтов**
12. **Михаил Ломоносов**
13. **Осип Мандельштам**
14. **Владимир Набоков**
15. **Булат Окуджава**
16. **Александр Пушкин**
17. **Константин Симонов**
18. **Арсений Тарковский**
19. **Марина Цветаева**
20. **Фёдор Тютчев**

Белла Ахмадулина

«Сейчас вы услышите лучшее, что есть в русском языке, — Беллу Ахмадулину», — так отрекомендовал поэтессу своим американским студентам Иосиф Бродский. Поэт Евгений Евтушенко сказал о ней: «Не знаю, как Бог расположил места, но она будет где-то рядом с Цветаевой и Ахматовой». Белла Ахмадулина — автор знаменитых «А напоследок я скажу…» и «По улице моей который год…» — ровно 18 лет назад, 20 января, написала одно из своих самых сокровенных и сложных стихотворений «На мотив икоса». Именно о нем — наш первый рассказ.

На мотив икоса

На мотив икоса
Украшения отрясает ель.
Божье дерево отдохнёт от дел.
День Крещения отошёл во темь,

января настал двудесятый день.

Покаянная, так душа слаба,
будто хмурый кто смотрит искоса.
Для чего свои сочинять слова —
без меня светла слава икоса.

Сглазу ль, порчи ли помыслом сим
возбранён призор в новогодье лун.
Ангелов Творче и Господи сил,
отверзи ми недоуменный ум.

Неумение просвети ума,
поозяб в ночи занемогший мозг.
Сыне Божий, Спасе, помилуй мя,
не забуди мене, Предивный мой.

Стану тихо жить, затвержу псалтирь,
помяну Минеи дней имена.
К Тебе аз воззвах — мене Ты простил
в обстояниях, Надеждо моя.

Отмолю, отплачу грехи свои.
Живодавче мой, не в небесный край —
восхожу в ночи при огне свечи
во пречудный Твой, в мой словесный рай.

Исторический контекст

Стихотворение «На мотив икоса» было написано в 1999 году.

Отличительной особенностью литературы 1990-х годов было ее разнообразие. С исчезновением цензуры читатель получил доступ к произведениям, запрещенным в годы советской власти. На прилавках появились никогда не публиковавшиеся или труднодоступные в СССР книги выдающихся русских прозаиков и поэтов — Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Михаила Булгакова, Владимира Набокова, Андрея Платонова, Александра Солженицына, Иосифа Бродского, Евгения Замятина и многих других известных авторов.

«Шестидесятники» Михаил Светлов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко на встрече с читателями

Поэзия конца 1990-х также была рассчитана на самые разные вкусы: от почитателей классической лирической традиции до любителей эпатажной авангардной поэзии. В это время продолжали свой творческий путь советские писатели-шестидесятники, успех которых ушел в прошлое, однако их имена оставались на слуху, и их стихи печатали авторитетные журналы «Октябрь» и «Знамя».

Автор

Белла Ахатовна Ахмадулина (1937–2010) родилась в Москве, в семье, которая принадлежала к советской элите. Ее мать была переводчицей, а отец работал таможенным начальником. Предки Беллы по отцовской линии — татары, у матери были итальянские корни.

Свои первые стихотворения Ахмадулина начала писать еще в школе. Уже в 1955 году известные журналы опубликовали подборку стихов молодой поэтессы, которую сразу же заметили и оценили читатели. Не сомневаясь в своем поэтическом будущем, Ахмадулина поступила в Литературный институт имени Горького.

Интересно, что в 1959 году ее отчислили из института за то, что она отказалась участвовать в травле Бориса Пастернака, получившего в 1958 году Нобелевскую премию по литературе и названного «клеветником» и «предателем»: «Исключали меня за Пастернака, а делали вид, что за марксизм-ленинизм». Однако вскоре Беллу восстановили, и она закончила Литинститут с красным дипломом в 1960 году.

Серебряный родниковый хрустальный голос

Ее первый поэтический сборник «Струна» вышел в 1962 году. К этому времени Ахмадулина и другие поэты-шестидесятники периода «оттепели» — Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Булат Окуджава собирали на своих выступлениях огромные залы, стадионы, площади. В 1950–1960-е годы возрос интерес именно к озвученному поэтическому слову.

Молодая Белла Ахмадулина читает свои стихи

Особое, завораживающее впечатление на публику производил звонкий, хрустальный голос поэтессы Ахмадулиной, ее манера исполнения своих произведений.

Литературные критики по-разному пытаются определить истоки творчества Ахмадулиной. Кто-то акцентирует внимание на том, что творчество Ахмадулиной тесно связано с классической русской поэзией и восходит к Державину и Пушкину. Ахмадулина сама не раз подчеркивала свое родство с литературной традицией:

Влечет меня старинный слог.
Есть обаянье в древней речи.
Она бывает наших слов
и современнее и резче.

Другие исследователи подчеркивают, что поэтесса развивала поэтические темы Ахматовой и Мандельштама. Сама же Ахмадулина большое количество своих стихотворений посвятила Марине Цветаевой. «Наследницей лермонтовско-пастернаковской линии» назвал Беллу Иосиф Бродский. Такое многообразие оценок ясно указывает на то, что Ахмадулина — поэт многогранный и самодостаточный.

Она выпустила огромное количество сборников своих стихотворений, а также была прекрасным переводчиком с английского, французского, польского, итальянского, чешского, грузинского, армянского, сербскохорватского и других языков. Творчество самой поэтессы переведено на многие языки мира.

Белла Ахмадулина много раз ездила за границу: бывала во Франции, чтобы встретится с Марком Шагалом, и в Швейцарии, чтобы познакомиться с Владимиром Набоковым. Находясь в США, она читала лекции по русской литературе в Калифорнийском университете.

Поэтесса необычайно ценила своих читателей и, когда уже практически ничего не видела, подписывала поклонникам своего творчества книги на ощупь.

В отличие от других шестидесятников, порой увлекавшихся политическими темами в своем творчестве, Ахмадулина избегала социальных тем. Ее творчество — разговор о человеческой душе вне социальных страстей. Ее лирика — камерная, эмоциональная, обладающая изысканной музыкальностью:

...Не время ль уступить зиме,
с ее деревьями и мглою,
чужое место на земле,
некстати занятое мною?

«Захожий — не прилежный прихожанин»: о вере

Беллы Ахмадулиной

Религиозные мотивы можно найти даже в ранних стихах Ахмадулиной. Однако ее отношение к Богу всегда было неоднозначно: то поэтесса провозглашает «Необитаема высь надо мною», то превозносит власть Творца. В конце 1990-х годов Ахмадулина тяжело болеет и даже переживает состояние комы, которую поэтесса назвала «глубоким обмороком». В этот сложный период в своем поэтическом творчестве она сосредотачивается на собственном внутреннем мире, обращается к православной вере.

Ахмадулина часто посещала духовные обители Русского Севера, жила вблизи Ферапонтова монастыря, о чем рассказала в книге-дневнике «Нечаяние». В 1990-е годы в ее творчестве возникают переживания вокруг судьбы церкви. К примеру, так поэтесса описывает впечатление от Троицкого собора в Переславле-Залесском: «В церкви размещалась некогда воинская часть, используя осквернённый, опоганенный приют как развлекательное стрельбище. Все изображения были изранены тщательными или ленивыми пулям, наиболее меткие стрелки целились в очи Спасителя, так и взирал Он на нас простреленными живыми зрачками с не упасшей Его высоты. Душераздирающее зрелище многое говорило о Его временной смерти, о нашей временной жизни».

В зрелом возрасте Белла Ахмадулина была крещена с именем Анна, но, как она сама говорила, «прилежным прихожанином» не была. Однако в одном из своих интервью призналась: «Утешением человеку может быть чистая и ясная вера в Бога. Я не церковный человек, не принадлежу к прихожанам, но без веры в Господа не понимаю жизни».

Белла Ахмадулина скончалась 29 ноября 2010 года. Отпевали поэтессу в храме Космы и Дамиана в Шубине.

Произведение

Стихотворение «На мотив икоса» имеет точную датировку. Оно написано в ночь на 20 января 1999 года, когда Белле Ахмадулиной

было уже 62 года. В этом же году поэтесса пережила состояние комы, которое сильно повлияло на ее творчество.

Поэтесса за работой на даче в Переделкино

Стихотворение было опубликовано в седьмом номере журнала «Знамя» за 1999 год и входило в лирический цикл «Возле ёлки». Читателями и критиками появление нового цикла стихотворений поэтессы было воспринято как значительное литературное событие. Основа всех стихотворений цикла — религиозная. Ахмадулина посвящает стихи Рождеству, Крещению, пишет авторские святочные колядки, пытается осмыслить свое отношение к Богу.

Самое пронзительное и сложное стихотворение цикла, «На мотив икоса», написано в молитвенном ключе сразу после великого праздника Крещения Господня. Это один из главных христианских праздников, установленный в честь события евангельской истории — крещения Иисуса Христа в реке Иордан Иоанном Крестителем. В стихотворении выражено новое христианское чувство автора. Попытка

обращения к Творцу рождает надежду восхождения поэта в лирический, «словесный рай», который является частью Божественного мира.

В своих стихах Ахмадулина всегда пыталась решить ключевой вопрос: «Стихи — вознагражденье или плата за все грехи?» В стихотворении «На мотив икоса» она снова обращается к этой проблеме. Здесь Ахмадулина высказывает самоуничижительную оценку своему поэтическому ремеслу: «Для чего свои сочинять слова — без меня светла слава икоса». Также для автора особенно важна мысль, что поэтическое творчество не может существовать без Божественного Слова.

Религиозные особенности

Стихотворение Беллы Ахмадулиной необычно: в его строфах авторские слова чередуются с церковнославянскими цитатами из богослужебных текстов. «На мотив икоса» — удивительное сочетание священного текста и откровенного человеческого слова. В основе стихотворения — канонический акафист Иисусу Сладчайшему. Акафист — это разновидность хвалебного церковного песнопения, молитва Спасителю. Акафисты совершаются молящимися стоя. В состав акафиста входит 12 икосов. Икос — это песнь, также содержащая восхваление и прославление Иисуса, чтимого святого или празднуемого церковного события. К примеру, в своем тексте Ахмадулина дословно цитирует 1-й икос: «Ангелов Творче и Господи Сил, / отверзи ми недоуменный ум» (*Перевод: «Ангелов Творец и Господь небесных Сил! / Ум мой немощный открой»*).

Когда Ахмадулина пишет «Во пречудный Твой, в мой словесный рай» — это значит, что поэтический дар слова — несомненно дар Божий. Словесный рай — это рай молитвы. Ахмадулина сама дает пояснение своему стихотворению в книге «Нечаяние»: *«По молитвеннику — словесный рай есть обитель не словес, не словесности, но духа, духовный рай. Искомая, совершенная и счастливая, неразъятость*

того и другого — это ведь Слово и есть». В каждом поэтическом слове — Слово Божие. Здесь Белла Ахмадулина близка к русской классической поэзии, в которой мысль о том, что поэт — глашатай Бога, была одной из важнейших.

Стихотворение «На мотив икоса» также замечательно иллюстрирует мысль о том, что в истинном творчестве нет места поэтической гордыне. И в этом — основа христианского смирения настоящего Поэта.

Непонятные слова

Исследователи творчества Беллы Ахмадулиной всегда отмечали ее богатейший словарный запас. Поэтесса умело сочетала в своих стихотворениях высокую лексику с незамысловатой, повседневной, а церковнославянизмы с неологизмами. «На мотив икоса» — замечательный тому пример.

Темь — то же, что и тьма.

Двудесятый — двадцатый.

Икос — богослужебная песнь, содержащая восхваление и прославление святого или празднуемого церковного события.

Сглаз — воображаемая, сверхъестественная способность при помощи взгляда отрицательно повлиять на человека: вызвать у него какую-либо болезнь или изменить его судьбу к худшему.

Порча — болезнь; в народных представлениях — недуг, напущенный злой ворожбой.

Помысел — мысль, намерение, замысел.

Возбранить (устар.) — запретить.

Призор — присмотр, наблюдение; внимание.

Отверзать — открыть, отомкнуть, дать доступ.

Недоуменный — выражающий состояние сомнения, колебания.

Занемогший — болезненный.

Предивный — прекрасный, дивный.

Затвердить — запомнить наизусть.

Псалтирь — одна из библейских книг Ветхого Завета. Состоит из псалмов — хвалебных песен-благодарений Богу.

Минея (от греч. «месячный, длящийся месяц) — общее название нескольких церковных книг, предназначенных для богослужения и для домашнего чтения.

Обстояние — напасть; беда.

Живодавче — Податель жизни.

Пречудный — удивительный, чудесный.

Анна Ахматова

Какую катастрофу предсказала поэтесса?

В 1914 году Анна Ахматова написала стихотворение, в котором она не только описала предчувствие одной из самых кровопролитных войн в мировой истории, но и предсказала ее грядущие ужасные последствия.

Июль 1914

1

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.

Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

2
Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело Твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах Твоих».

Исторический контекст

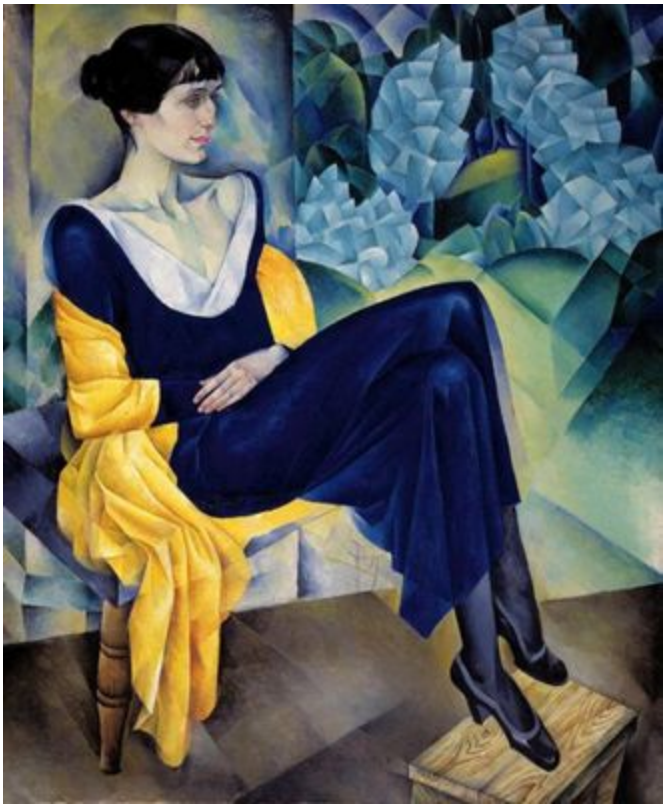
Под стихотворением, которое стало откликом Анны Ахматовой на события Первой мировой войны, проставлена точная дата — 20 июля 1914 года.

15 июля 1914 года Австрия объявила войну Сербии, а 19 июля Германия объявила войну России. В этот день Анна Ахматова была в Слепневе — имении родителей своего мужа, поэта Николая Гумилева. О начале войны здесь узнали вечером 20 июля, когда был опубликован «Высочайший манифест» императора Николая II о вступлении России в войну.

Остаться в стороне от этого события поэтесса, которая ранее фактически не писала стихотворений по какому-либо историческому поводу, в этот раз не смогла. Свое произведение она озаглавила «Июль 1914».

Автор

Ахматовой было 25 лет. К этому времени она была известна в литературных кругах как представительница поэтического направления «акмеизм». Ахматова уже выпустила свой первый сборник стихов «Вечер» (1912), на слуху были стихотворения «Сжала руки под темной вуалью…» и «Песня последней встречи» («Я на правую руку надела/ Перчатку с левой руки…»).

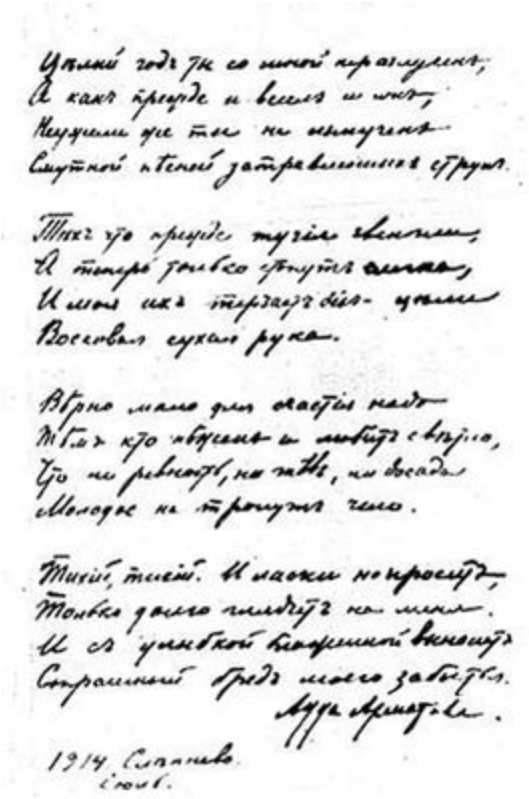
Портрет Ахматовой 1914 года. Художник — Натан Альтман

Весной 1914 года, незадолго до начала войны, в издательстве «Гиперборей» вышел ее второй сборник «Четки», который станет одним из самых популярных в творческой биографии Ахматовой.

Основу практически всех ранних стихов Ахматовой составляли любовные переживания, поэтическое осмысление чувств. Здесь же, в «Июле 1914», она говорит об одной из главных общенародных трагедий XX столетия и сливается с участью всех простых людей. В стихотворении Ахматова обращается к христианским образам и мотивам. Важно, что православная вера всегда являлась для поэта важным духовным ориентиром, а Священное Писание — богатым источником творчества. Поэтесса особенно почитала свою небесную покровительницу — праведную Анну Пророчицу, посетила Оптину пустынь, где встретилась с преподобным старцем Нектарием.

Литературовед и переводчик Никита Струве в работе «Православие и культура» отмечал: «Доказывать, что Анна Ахматова была

христианским поэтом, не приходится. Слишком явна христианская тональность ее поэзии, слишком отчетливы свидетельства о ней или ее собственные, хотя редкие, высказывания. Напомню кратко известное «утешительное» письмо Пастернака 1940 года, в котором он называет ее “истинной христианкой” <…> У нее, и в этом ее исключительность, не было эволюции в религиозных взглядах. Она не стала христианкой, она ею неизменно была всю жизнь».

Если в ранней лирике религиозность Ахматовой носила бытовой характер (*«Я научилась просто, мудро жить / Смотреть на небо и молиться Богу»*), то позднее ее обращение к религии носит более серьезный, сакральный характер («Реквием»), в ее поэзии звучат пророческие ноты. Во многом пророческим стало и стихотворение «Июль 1914».

Произведение

Стихотворение «Июль 1914» было впервые опубликовано в шестом номере одного из самых известных журналов Серебряного века «Аполлон» и вошло в третий поэтический сборник Анны Ахматовой «Белая стая» (1917). В этой книге, по выражению известного филолога Бориса Эйхенбаума, поэт передает «ощущение личной жизни как жизни национальной, исторической».

Хотя стихотворение датировано вторым днем после начала Первой мировой войны, оно было создано раньше: в первой его редакции написано: «11 июля 1914 г., Слепнево».

Анна Ахматова в имении Слепнево (1910-е годы)

В начальном варианте стихотворения тема войны явственно не проступала. Оно состояло из трех строф: первая — такая же, как в окончательном варианте, а две другие были следующими:

Стало солнце немилостью Божьей,
Сушит реку, спалило траву.

Приходил одноногий прохожий
И сказал: «Отойдешь к Покрову!»

Богородица белый расстелет
Над скорбями безгласными плат.
Это счастье со мною разделит
Мой единственный ласковый брат.

20 июля Ахматова пишет вторую часть стихотворения («Можжевельника запах сладкий»), добавляет в первоначальный текст «военные» строки и проставляет окончательную дату — 20 июля 1914.

В стихотворении есть присущая Ахматовой детальность изображаемого и даже календарная точность: «пахнет гарью», «горит торф», отсутствие дождя — все это констатация природных катаклизмов конца июня — начала июля 1914 года. Действительно, в это время страна страдала от постоянных торфяных и лесных пожаров, засухи, о чем регулярно сообщали петербургские газеты.

Однако конкретность описанных погодных явлений не только передает атмосферу начала войны, но обретает в контексте всего стихотворения апокалиптический смысл.

Отсылки к Библии

В стихотворении «Июль 1914» отчетливо видна ориентация на текст Библии.

Кто этот прохожий-пророк, о котором пишет Ахматова?

Большая часть стихотворения посвящена описанию пророчества безымянного прохожего. Образ этого героя отсылает к реально существовавшему человеку.

Известно, что день объявления Первой мировой войны (19 июля по старому стилю, 1 августа — по новому) совпал со днем памяти одного из самых почитаемых Русской Православной Церковью святых — Серафима Саровского. На эту дату пришлось обретение святых мощей преподобного. Существуют свидетельства о том, что подвижник смог предсказать тяжелейшие для судьбы страны события: «*Такая великая скорбь будет, какой от века не было. Ангелы не будут поспевать принимать души».* Пророчества старца о неизбежных бедствиях были предельно конкретны: *«…произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее».* Несмотря на это трагическое обещание, преподобный Серафим говорил, что *«Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе».*

Схожие мысли высказывает прохожий в стихотворении Ахматовой. С образом Божией Матери — Заступницы связывались надежды автора и всего народа на избавление от бед и «великих скорбей», постигших страну.

Апокалипсис в июле

В пророчестве странника есть прямые отсылки к Откровению Иоанна Богослова — последней пророческой книге Нового Завета. Помимо описания природных катаклизмов, затмения (Откр 9:2) здесь особенно заметна аллюзия на персонажей шестой главы Откровения — всадников Апокалипсиса. Они олицетворяют бедствия и катастрофы перед вторым пришествием и Страшным судом.

«Воины Апокалипсиса». Картина Виктора Васнецова (1887)

Согласно традиционной трактовке образов всадников, Мор — это нарицательное имя всадника на белом коне. Всадника, который едет на вороном коне, именуют Голодом. Еще один всадник, Раздор (Война), — на рыжем коне *(Сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч (Откр 6:4))*. Четвертый всадник — на коне бледном: и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными (Откр 6:8).

Строка «Ждите глада, и труса, и мора» также отсылает к евангельскому тексту, к словам Иисуса Христа: *Когда же услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь, ибо этому надлежит быть прежде: но не тотчас конец… восстанет народ на народ и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба (Лк 21:9–11).*

Последние строки

Последние строки стихотворения «Ранят Тело Твое пресвятое / Мечут жребий о ризах Твоих» — это переложение строк из 21-го псалма Давида: *Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий (Пс 21:19).* В Евангелии от Иоанна рассказывается следующее: *Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак, сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий» (Ин 19:23–24).*

Эти строки — напоминание о том, что после страданий обязательно наступит утешение и спасение.

Стихотворение «Июль 1914» можно назвать пророчеством о близком будущем России. Анна Ахматова поэтически чувствовала приближение войны еще до ее объявления, а затем описала грядущие жестокие испытания, которые выпали на долю родной страны.

Трудные слова

Трус — здесь: буря и волнение, лютование стихий; землетрясение; трепет, страх (по словарю Владимира Даля).

Супостат — противник, враг, недруг.

Риза — одежда, облачение.

Иннокентий Анненский

Притча о двух грешниках — мытаре и фарисее, молившихся в одном храме, — прекрасно знакома всем христианам. Поэт Иннокентий Анненский, которого считали своим учителем Анна Ахматова и Николай Гумилёв, обратился к этому известному сюжету в своем творчестве. С кем сравнивает себя Анненский — с мытарем или фарисеем? Почему темы греха и добродетели волновали самого печального поэта Серебряного века? Поговорим об этом в проекте «50 великих стихотворений».

В небе ли меркнет звезда…

В небе ли меркнет звезда…
В небе ли меркнет звезда,
Пытка ль земная все длится;
Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.

Время погасит звезду,
Пытку ж и так одолеем…
Если я в церковь иду,
Там становлюсь с фарисеем.

С ним упадаю я нем,
С ним и воспряну, ликуя…
Только во мне-то зачем
Мытарь мятется, тоскуя?..

Исторический контекст

Рубеж XIX–XX вв. был переломным периодом не только в социально-политической, но и духовной жизни России. Это было время революций, войн и интенсивных религиозных исканий.

К началу революции 1905 года все общество было подвержено религиозным сомнениям и колебаниям. Революционные потрясения повлекли за собой одновременно и оппозиционное отношение к Церкви (особенно в кругах интеллигенции), и обращение к христианской религии, и трансформацию христианства в новые религиозные учения (самым влиятельным из которых была софиология Владимира Соловьева).

Писатели, философы и художники объединялись во множество религиозных направлений и группировок. В Петербурге и Москве возникали религиозно-философские собрания, самым известным из которых был кружок Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Они проводили особые встречи, на которых был провозглашен новый образ Церкви, их молитвы были больше похожи на таинственные заклинания — художественного содержания в них было гораздо больше, чем духовного.

Иннокентий Анненский знал о деятельности этих группировок, сект и религиозных кружков, но относился к ней скептически. По поводу показной театральности одного из таких собраний он пишет: *«Искать Бога — Фонтанка, 83. Срывать аплодисменты на Боге… на совести. Искать Бога по пятницам… Какой цинизм!»*

Но и его захватило всеобщее увлечение духовными вопросами, на которые он попытался ответить в самом конце своего жизненного и творческого пути.

Автор

Парадокс Иннокентия Анненского (1855–1909) в том, что как поэт он стал широко известен только после своей смерти. В сознании своих современников он был прекрасным педагогом, переводчиком, знатоком классических языков и античной литературы. О том, что Анненский пишет стихи, практически никто не знал. Анненский-поэт всегда был одинок: не примыкал ни к одной из многочисленных поэтических школ. Он решил открыться публике лишь в 1904 году.

И.Ф. Анненский 1900-е годы

Сегодня практически каждый читатель знает Анненского как минимум по одному стихотворению «Среди миров», которое стало популярным романсом.

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Псевдоним — «Никто»

Поэтический дебют Анненского получился загадочным.

В 1904 году вышла небольшая книга стихов под заглавием «Тихие песни». Вместо имени автора на обложке стояла надпись: «Ник. Т – о». Никто. Это был пример мистификации, популярной на рубеже веков. Угадать, что под этим странным псевдонимом скрывался известный педагог, директор гимназии в Царском Селе Иннокентий Анненский, литераторы не смогли. К примеру, Александр Блок, которому сборник явно понравился, посчитал, что «Ник. Т – о» – это многообещающий молодой поэт. Блок, отметив «настоящее поэтическое чутье» «молодого» автора, признался, что в «Тихих песнях» ему открылась «человеческая душа, убитая непосильной тоской». Он даже не мог подумать, что этому «молодому» поэту было почти пятьдесят лет!

Однако этот псевдоним можно было разгадать. Несколько букв для него были взяты из имени автора – Иннокентий. Прозвищем «Никто» назвал себя древнегреческий герой Одиссей, чтобы спастись из пещеры великана циклопа Полифема. И, зная увлечение Анненского античной культурой, можно было предположить, что за безликим «Ник. Т – о» скрывается именно он. Но образ консервативного педагога и прекрасного ученого никак не соотносился с тоскующим, печальным поэтом, которым предстал перед читателями Анненский в своем первом поэтическом сборнике.

«Работаю исключительно для будущего»

Выходец из дворянской семьи Иннокентий Анненский, окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета и овладевший четырнадцатью языками, среди которых были как современные, так и древние, вступил на путь долгой и успешной педагогической деятельности.

Он преподавал древние языки, читал курсы по истории древнегреческой литературы. В 1896 году он стал директором гимназии в Царском Селе. Благородный в обращении, привлекательный, вежливый Иннокентий Фёдорович был кумиром для своих учеников, заражал их интересом к античности. Для самого Анненского античность была любимой эпохой. Главное увлечение всей его жизни — перевод наследия греческого трагика Еврипида на русский язык. «Нисколько не смущаюсь тем, что работаю исключительно для будущего», — так Анненский определял значение своего перевода. Он также сам создавал трагедии на античные сюжеты, а в его стихах часто встречаются образы древнегреческих мифов.

Анненский среди учащихся Царскосельской гимназии

Однако в 1906 году он был уволен с поста директора гимназии. Главной причиной стали волнения в гимназии во время революции 1905 года. Анненский не видел беды в том, чтобы студенты выражали свои взгляды. Для руководящих верхов такое благодушное, спокойное

поведение директора и поддержка «политически неблагонадёжных» представлялись сомнительными. Анненский был отстранен от деятельности в гимназии и лишен общения с воспитанниками. Тогда Анненский решает сосредоточиться на литературной работе.

Смерть с портфелем в руке

1909 год — последний в жизни Анненского. Он наконец-то очутился в литературной среде, о которой так мечтал. Он принимает участие в организации журнала «Аполлон» — одного из значимых журналов для истории всей русской литературы, пишет стихи и очерки, ожидается выход его второй поэтической книги «Кипарисовый ларец».

В последний ноябрьский день он провел лекции на Высших женских курсах и должен был вечером читать доклад в Обществе классической филологии. Выступлению не суждено было состояться: Анненский скончался от внезапной остановки сердца, упав на ступенях Царскосельского вокзала с портфелем, где лежала рукопись доклада.

«Я слабый сын больного поколенья…»: во что верил Анненский?

Анненский был значительно старше поэтов-символистов. И, как многие образованные люди XIX века, не был церковным человеком. Он мало кому сообщал о своих взглядах на веру и религию. Также трудно сказать, являлся ли его интерес к античности источником религиозного интереса, или этот интерес был исключительно исторический и эстетический.

Однако некоторые современники отмечали, что его натуре все же была свойственна религиозность (возможно, наследственная: прадед Анненского был священником).

Знание Писания в большинстве стихотворений Анненского служит поиску чисто эстетических образов: «сочатся грозди и краснеют… точно гвозди / После снятого Христа» («Конец осенней сказки»). Поэт хорошо знал христианский религиозный символизм и в раннем творчестве обращался к евангельским сюжетам (поэма «Магдалина»). Стихотворений, в которых есть попытка отразить собственный религиозный поиск, у Анненского мы не найдем. И только в небольшом стихотворении «В небе ли меркнет звезда…» поэт решается осмыслить свое отношение к Богу, молитве и вере и рассказать о нем. В этом смысле это стихотворение — откровение, о котором читатели смогли узнать только после смерти автора.

Произведение

«В небе ли меркнет звезда…» — это посмертное стихотворение Иннокентия Анненского. Оно увидело свет в 1910 году в одиннадцатом номере журнала «Аполлон». Это единственное стихотворение поэта, в котором он открыто говорит о своем отношении к религии.

Отсылки к Библии

В основе стихотворения Иннокентия Анненского — известная евангельская притча о мытаре и фарисее.

Однажды Иисус Христос рассказал своим ученикам о том, как два человека пришли помолиться в Иерусалимский храм. Один из них был фарисей, который хвалился своей праведностью, показным исполнением благочестивых правил. Молитва фарисея была лицемерна: он не просил милости у Бога, а только хвалил себя самого за то, что соблюдает пост и жертвует столько, сколько предписывает ему закон. Он признавал себя безгрешным, осуждая остальных людей (благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи).

Другим молящимся человеком был мытарь, т. е. сборщик налогов. Часто они брали денег больше, чем надо, обманывали и обижали людей, поэтому все относились к ним с презрением. Мытарь робко стоял вдали и, не смея поднять своих глаз, отчаянно взывал ко Всевышнему: «Боже! Будь милостив ко мне грешному!»

Мытарь сознавал свои дурные поступки и не старался припомнить какие-то добрые дела, оправдывая себя. В своей молитве мытарь смиренно просил у Бога милости для своей грешной души.

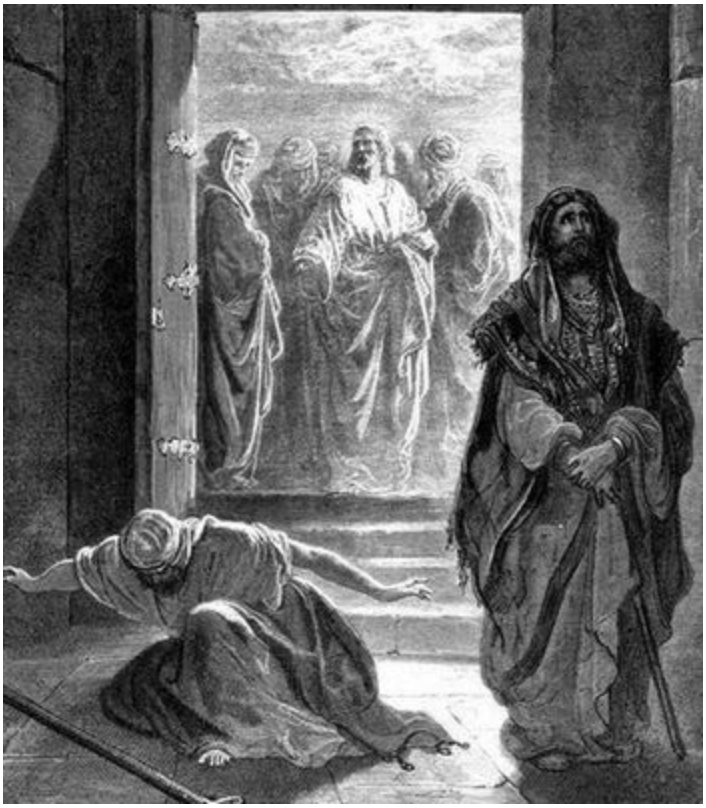
Тогда Господь сказал:

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится (Лк 18:9–14).

Раскаяние грешника мытаря — искреннее. Именно поэтому Господь в силах помиловать этого человека, смягчить душу грешника, наставить его на путь исправления. Молитвы же фарисея полны лицемерия и гордыни. В этом — его грех. Самодовольно считая себя праведным, он не желает милости Божией. Притча о мытаре и фарисее прекрасно иллюстрирует известную духовную истину: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак 4:6).*

Анненский: мытарь или фарисей?

Стихотворение условно делится на две части. Иннокентий Анненский, сравнивая себя с фарисеем, откровенно говорит: «Я не умею молиться». Анненский ощущает себя страдальцем, осознает все несовершенства жизни. Но, несмотря на все беды, он не пытается отыскать спасения в молитве. В церкви он становится рядом с тем, кто не способен к искреннему молитвенному покаянию.

Мытарь и Фарисей. Гюстав Доре

Последние же строки меняют весь настрой стихотворения. Оказывается, глубоко в душе героя живут метания. Он, как мытарь, понимает, что грешен, сомневается в своем безверии. Его тоска — это тоска по Богу. Здесь у героя Анненского видна расколотость сознания, страдания, возникает образ кающегося человека. В нем проступают черты того, кто, осознавая свои ошибки, все-таки хочет обратиться к Богу за помощью.

Одновременно с этим в стихотворении проявлена религиозная раздвоенность эпохи. С одной стороны — стремление к истинной религиозности, к спасению, а с другой — элемент недоверия к Церкви. Новое понимание церковности, молитвы, свойственное многим современникам Анненского, собирает воедино фарисеев, в кругу которых оказывается поэт. Он не может найти себя в церкви. И он, как мытарь, ищет подлинного покаяния.

Непонятные слова

Фарисей — член религиозно-политической партии зажиточных слоев городского населения в Иудее. Фарисеи отличались фанатизмом и лицемерием в выполнении внешних правил благочестия. Иносказательное значение слова фарисей — лицемер.

Мытарь — сборщик податей и налогов в Иудее. Они часто были замечены в обсчетах и вымогательствах, считались притеснителями, грешниками и ворами.

Воспрянуть — преодолеть уныние, ощущение подавленности; стать бодрым, оживиться.

Ольга Берггольц

«Никто не забыт, ничто не забыто» — эти слова известны всем. Автор этих строк – поэтесса Ольга Берггольц, которую называли «музой блокадного Ленинграда». Что известно нам о поэте, чьи стихи и голос вселяли в ленинградцев надежду и веру в то, что голод и холод обязательно покинут их ледяные дома?

Отрывок

Достигшей немого отчаянья,
давно не молящейся Богу,
иконку «Благое Молчание»
мне мать подарила в дорогу.

И ангел Благого Молчания
ревниво меня охранял.
Он дважды меня не нечаянно

с пути повернул. Он знал…

Он знал, никакими созвучьями
увиденного не передать.
Молчание душу измучит мне,
и лжи заржавеет печать…

Исторический контекст

Стихотворение Ольги Фёдоровны Берггольц написано в 1952 году. В это время военная тема продолжает занимать важное место в литературе. Однако власть призывала писателей сосредоточиться на послевоенных проблемах восстановления страны, мироустройства, на выражении идей развития и процветания Советского Союза. О тяготах военной и послевоенной жизни, правде блокадного Ленинграда вынуждали молчать. Даже майский День Победы в эти годы не являлся большим государственным праздником и выходным днем.

К 1952-му году созидательный пафос, социальный оптимизм, которого власть ждала и требовала от литературы, вошли в резкое противоречие с принципами творчества поэтов, в лирике которых преимущественно была отражена личная драма. Суровая критика считала, что авторы ни в коем случае не должны писать о своем пережитом опыте. Осуждались произведения и авторов-бытописателей, обличающих в своих текстах негативные явления действительности, неприглядность советских порядков.

Анна Ахматова и Ольга Берггольц

Произведения, которые противоречили духу партии, уничтожались, а их создатели попали в обстановку откровенной травли. Серьезные обвинения обрушивались на многих литературных деятелей. Профессиональные литераторы не имели возможности публиковать свои произведения, их исключали из Союза писателей, лишали средств. Любые произведения, в которых наблюдался отрыв искусства и литературы от «единственно верной» идеологии, признавались безыдейными и осуждались. Под такой безжалостный контроль попали не только многие поэты и прозаики (Гроссман, Платонов, Исаковский, Твардовский, Алигер и др.), но и крупные журналы («Ленинград», «Звезда»). Абсурдные обвинения и откровенные ругательства звучали в адрес Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Зощенко был объявлен «пошляком и подонком литературы», мыслящим преступно, по-антисоветски. Поэзию Ахматовой именовали «пустой, безыдейной». Мировоззрение поэтессы было

определено как чуждое народу, а сама Ахматова была названа «не то блудницей, не то монахиней, у которой блуд смешан с молитвой».

Известный поэт, ученик Николая Гумилёва, Николай Тихонов, который когда-то был членом литературного объединения «Серапионовы братья» вместе с Зощенко, был уволен с поста председателя правления Союза писателей СССР. Ольгу Берггольц не печатали, так как она когда-то тесно общалась с опальной Анной Ахматовой.

Над авторами нависала прямая угроза ареста. В этих условиях Ольга Берггольц, которая не могли вычеркнуть из жизни и творчества события войны, пишет стихотворение «Отрывок».

Автор

Ольгу Фёдоровну Берггольц (1910–1975) называли музой блокадного Ленинграда. Ее стихотворения практически каждый день звучали в эфире ленинградского радио, ее слово воодушевляло жителей города, помогало им бороться.

Берггольц выросла в религиозной семье. В дневниках она описывает свое состояние после литургии в деревянной церкви Казанской иконы Богоматери: *«Выходя, я бросила прощальный взгляд и подумала: “Хорошо, если бы в душе каждого человека была такая церковка!”»* Позднее она вспоминала: *«Я очень горячо верила в Бога, в силу молитвы, и светлый, горячий восторг, который нередко охватывал меня в церкви на богослужениях, помню до сих пор».*

В 20-х годах активизировалась антирелигиозная комиссия. Узнав о кампании по вскрытию мощей, Ольга откликается на эти события так: *«Мы молчали и молча помогали отбирать святые храмы, мы отдавали все это сами — мы, православные христиане, славящиеся своим благочестием! И теперь наших царей вскрывают, поругивают, а мы… молчим. Что же?! Мы, вероятно, будем молчать до тех пор, пока нас не будут расстреливать. Так, за здорово живешь».*

Берггольц много раз бывала у Анны Андреевны Ахматовой. После одной из таких встреч Ольга делает в дневнике отчаянную запись: *«Её собрание сочинений “допустили к печати»”, выкинув колоссальное*

количество стихов. Слова Бог, Богородица — запрещены. Подчеркнуты и вычеркнуты. Сколько хороших стихов погибло!»

Личная жизнь Ольги Берггольц складывалась несчастливо: она потеряла троих детей, ее первого мужа расстреляли, а второй, литературовед Молчанов, болевший эпилепсией, погиб в блокадные годы. В 30-е годы она работала корреспондентом, редактором, выпустила несколько книг. Но в 1938 году ее ложно обвинили в участии в контрреволюционном заговоре против власти. Находясь под арестом, родив мёртвого ребенка, она сама чуть не поплатилась жизнью. Через полгода Берггольц отпустили. Об этом поступке она записала в дневниках: *«Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: «живи»».*

В блокадные годы Берггольц работала в литературно-драматической редакции радио Ленинграда. Она практически каждый день вела радиопередачи, сопереживая ленинградцам, поддерживая их поэтическим словом, внушая жителям веру в победу над страданиями.

Так как Берггольц была журналисткой, она имела возможность выбираться из осажденного города в Москву по направлению Радиокомитета. Она переживала, что тот ужас, который испытывает блокадный город, замалчивается за стенами Ленинграда. Об одной из московских командировок в 1942 году Берггольц вспоминает: *«Здесь — заговор молчания вокруг Ленинграда, о Ленинграде правды не знают, правду о нем говорить запрещено. Будет ли возможность сказать когда-нибудь правду о Ленинграде, будет ли она когда-нибудь сказана?»*

В ее произведениях часто звучал молитвенный призыв. Поэтесса никогда не скрывала, что она верующий человек, и использовала в стихотворениях религиозные образы и мотивы. Так, в своём стихотворении «Ленинградская осень» (1942) блокадного периода она пишет:

> Вот женщина стоит с доской в объятьях;
> угрюмо сомкнуты её уста,
> доска в гвоздях — как будто часть распятья,
> большой обломок русского креста.

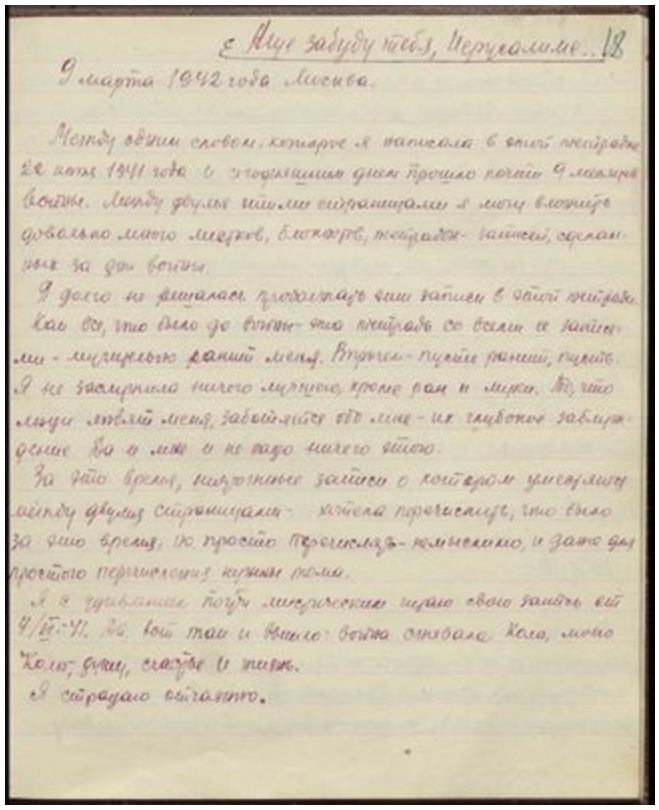
Мария Берггольц, сестра поэтессы, оставила воспоминания о том, как на сороковой день смерти Ольги в 1975 году её муж отправился подавать поминальную записку. У него спросили: «Скажите, это не об Ольге Берггольц?» Муж ответил, что о ней. Тогда церковный служащий указал на целую гору записок – все они были за Ольгу Берггольц. На самом богослужении имя Ольги звучало много-много раз. Так была выражена любовь народа к ней.

Произведение

Тема молчания, его необходимости, становится одной из ключевых в творчестве и жизни Ольги Берггольц. Стихотворение «Отрывок» написано поэтессой в 1952 году. Оно — взгляд в блокадное прошлое. В

нем тема молчания — ведущая. Поэтесса всегда переживала о том, что не имеет возможности говорить о военной правде во весь голос.

Стихотворение предельно автобиографично и исповедально. В его основе — личные переживания автора, факты из жизни Берггольц. Однажды мама поэтессы подарила ей икону «Ангел Благое Молчание», которую Ольга хранила всю свою жизнь. Молчаливая надежда, безропотность, которые символизирует эта икона, молитва перед этим образом, помогли Берггольц не погибнуть в военные годы. Во весь голос она говорила в своем запретном дневнике, который опубликовали только в начале XXI века. Она писала: «Сегодня Коля закопает эти мои дневники. Всё-таки в них много правды… Если выживу — пригодятся, чтобы написать всю правду».

Страница из дневника Берггольц

В стихотворении есть несколько загадочных строк: Берггольц пишет о том, что ангел Благого Молчания дважды повернул ее с пути. Нельзя с точностью сказать, что имеет в виду автор. Но речь определенно идет

о событиях, в которых Ольга видела Божий Промысл. Возможно, что здесь она вспоминает не только свое пребывание в блокадном Ленинграде, но и довоенные репрессии, когда поэтессу дважды арестовывали.

Религиозные мотивы

Спас Благое Молчание — именно этот иконографический образ упоминается в тексте стихотворения Ольги Берггольц. Это очень редкий тип изображения Иисуса Христа. Здесь он предстает до своего воплощения и явления людям — в виде Ангела. Появление этого образа исследователи относят к XV веку.

Руки Ангела прижаты к груди, как во время таинства Причастия. Это жест молитвенного смирения, покоя и жертвенности. Нимб вокруг ангельской головы подобен восьмиконечной звезде, которую образуют два квадрата. Один из них обозначает Божественную природу Творца, а другой — непостижимость Божества.

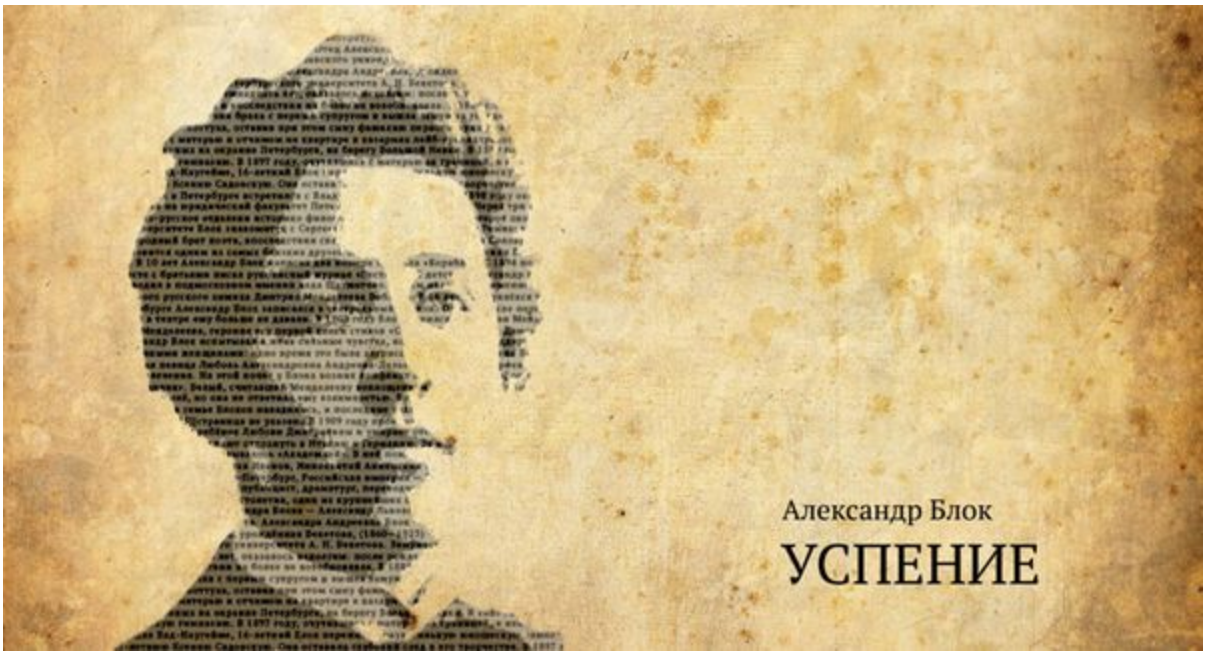
Спас «Благое Молчание»

Икона трудна для толкования. Считается, что основой символизма этого образа стали слова ветхозаветного пророка Исаии, предвещающие страдания Христа: *Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих (Ис 53:7).* Ангел здесь — это олицетворение того великого смирения и покорности, с которыми Христос принял страдания и смерть.

Это созвучно мотивам стихотворения Берггольц — молчаливое недеяние перед лицом гибели, страха и страданий. У Берггольц молчание окрашено в мучительные тона. Для нее молчание было необходимо для того, чтобы выжить, и именно эта икона помогала ей в этом молчании.

Спас являет собой пример внутренней молитвы и будто призывает к ней созерцающего икону. Молчание здесь — символ смирения. Оно оказывается выше, благостнее любого гласа. И в этом безмолвии заключена великая тайна и спасение.

Александр Блок

Каковы библейские смыслы стихотворения Александра Блока «Успение»?

«Успение»

Успение
Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит вдаль.

Исторический контекст

Июнь 1909 года. Поэт Александр Блок вместе со своей супругой Л.Д. Менделеевой путешествует по Италии. Посещения Венеции, Равенны, Флоренции, Милана, Сиены нашли отражение в поэтическом цикле «Итальянские стихи», где поэтом с изящностью описаны впечатления от итальянской живописи эпохи Возрождения, поразительной архитектуры и ощущения величия культуры и искусства родины Данте и Леонардо да Винчи.

«Итальянский» цикл был высоко оценен современниками. Сам Блок признавал: «…итальянские стихи меня как бы вторично прославили».

Но среди стихотворений, дышащих западноевропейскими образами и колоритом, есть одно, проникнутое духом православной веры. Оно называется «Успение». Это одно из тех стихотворений, которое позволило исследователям назвать Блока «христианнейшим поэтом».

Автор

А. А. Блок — один из величайших поэтов русской литературы. В 1909 году поэтом-символистом еще не были написаны знаменитые строки «Ночь, улица, фонарь, аптека…» и поэма «Двенадцать».

Но к этому времени к Блоку уже пришла слава благодаря «Стихам о Прекрасной Даме», и он уже провозгласил: «Я знаю: истина в вине» во всем известной «Незнакомке».

О произведении

Стихотворение Блока «Успение» было написано 4 июня 1909 г. в живописном провинциальном городке Сполето. Здесь располагается древний Сполетский собор, который знаменит поразительной фреской итальянского мастера XV в. «Венчание Девы Марии». Но Александр Блок обращается к другой теме: он создает стихотворение, посвященное смерти женщины. В тексте нигде не употреблено ее имя, но из содержания ясно, что это — Богородица. При этом в «Успении» изображена уже не «Прекрасная Дама» и не Мадонна Ренессанса. Блоком запечатлен подлинно православный образ Божией Матери в момент ее перехода в вечную жизнь.

Успение Богоматери. 1467-69 гг. Фра Филиппо Липпи. Дуомо, Сполето. Фреска

Заглавие «Успение» соответствует одному из великих православных праздников — Успению Божией Матери (28 августа).

Стихотворение имеет признаки литературного жанра эпитафии (от греч. — «надгробный») — стихотворение, посвященное автором памяти усопшего), что помогло поэту торжественно и умиротворенно передать событие перехода в вечную жизнь. Обращению к жанру эпитафии способствовало также трагическое событие в жизни самого поэта. В этом же 1909-м году, спустя девять дней после рождения, умер ребенок Л. Д. Менделеевой.

Успение = смерть или Успение = рождение?

И то, и другое. Несмотря на то, что в славянских языках «успение» означает «смерть», «усыпление», Успение — это не смерть как таковая. Как известно, о смерти-усыплении Богородицы, Ее пробуждении в нетленном теле для переселения на небеса ничего не говорится в Евангелии. Об этом нам рассказывает «Слово Иоанна Богослова на Успение». Блок нам прекрасно показывает, что уход Божьей Матери в вечно блаженный мир не является только скорбным событием, напротив — он исполнен торжественного, возвышенного умиротворения.

Александр Блок сопоставляет историю расставания с Богородицей с одним из важнейших евангельских сюжетов — Рождеством Христовым. Это делается это с целью показать, что приход человека в жизнь земную и переход в жизнь вечную — это не два противоположных периода. Отсылка к Библейской истории рождения Христа сделана для того, чтобы продемонстрировать: смерть человеческого тела — это такое же рождение, но рождение благодати и духовной свободы. Эти события неразрывно связаны, отражаются одно в другом.

Брат поэта, известный филолог Георгий Блок, прочитав «Успение» и поразившись последними строками, сказал: “«Могильный ангел смотрит вдаль» — это останется навсегда”.

Отсылки к Библии

О каком архангеле пишет Блок?

Об Архангеле Гаврииле. *(«С волненьем, в сжатые персты // В последний раз архангел старый // Влагает белые цветы»)*. Так же, как когда-то он возвестил Богоматери о рождении у нее Спасителя Сына, Архангел Гавриил явился к ней с вестью о смерти, о переходе в вечную блаженную жизнь. Божьей Матери было также предречено не только время предстоящей кончины, но и то, что Сын спасет ее, взяв на небеса.

С самых первых строк Блок изображает прощание с Божией Матерью. К Ее телу возвратилась краса прошлых лет (согласно преданию, Богоматерь до самой старости прожила в доме ученика Христа — Иоанна).

Вестник является Пречистой с «белыми цветами». Это лилии, которые в православии связаны с непорочностью и чистотой Богородицы. На иконах Архангела Гавриила белая лилия часто является его атрибутом.

Благовещение. 1443 г. Фра Филиппо Липпи. Старая Пинакотека, Мюнхен

О каких «усопших царях» и «седых пастухах» сказано в «Успении?»

С Божьей Матерью приходят проститься «усопших три царя»: «И над туманами долины // Встают усопших три царя».

Речь здесь идет о волхвах с востока, которые когда-то, согласно Евангелию, пришли поклониться Иисусу, когда он родился. Теперь те же, но уже «усопшие» волхвы (их Блок именует «царями», солидаризуясь здесь с западноевропейской христианской традицией), прощаются с Богородицей.

«Их привела, как в дни былые, // Другая, поздняя звезда». Здесь снова зеркальное отражение: по Евангелию, когда родился Иисус Христос, в небе над Вифлеемом появилась новая звезда (Мф. 2: 7-10).

А кто первым обнаружил в пещере Деву Марию, Иосифа и младенцев? Это были Вифлеемские пастухи, которых побудил к этому славословящий Ангел (Лк. 2: 8-20). Они появляются и здесь, в «Успении», но уже «седыми», через много лет.

«Златятся нимбы без числа»

По молитвам Богородицы, перед самой Ее кончиной, апостолы были принесены к ее смертному ложу Ангелами. Когда Божья Матерь умерла, дом, где Она находилась вместе с первосвященниками, апостолами и иерусалимскими женами, окутало облако. В нем появился Сын с ангельским сонмом, приняв душу из Ее тела, передал ангелам, которые перенесли ее на небеса. Об этом Блок пишет: «Лишь меж звездою и зарею // Златятся нимбы без числа».

В стихотворении Блоком, певцом русского символизма, используется символика двух цветов: золотого и белого. Белый цвет символизирует в Православии чистоту, целомудрие, святость, а золотой — образ Божьего присутствия, Истины, что абсолютно соответствует теме стихотворения — успению Богоматери.

«Могильный ангел смотрит вдаль»

По библейскому преданию, после разлучения души Божией Матери с телом, происходит их воссоединение и уход воскресшего тела в горний, иной мир. Сын берет тело Матери на небо.

Перед этим апостолы раскрывают гробницу для того, чтобы запоздавший апостол Фома смог попрощаться с Пречистой. Но гробница оказывается пустой.

Подобное событие происходит и после смерти Иисуса Христа. Когда Мария Магдалина вместе с двумя женщинами приходят для того,

чтобы умастить тело Спасителя благовониями, саркофаг оказывается пуст, а на его краю сидит юноша в белых одеждах (Мк. 16: 1-6).

Непонятные слова

Перст (книжн. устар.) — палец руки

Архангел — ангел, относящийся к одному из высших ангельских чинов.

Саркофаг — массивный гроб, гробница

Александр Блок сумел изобразить для нас два главных мотива Успения Божией Матери: неизбежную печаль осознания потери расставания и одновременно тихую, едва различимую, радость ощущения от того, что это расставание не навсегда, ведь Божья Матерь, Заступница, не оставляет всех нас ни на минуту.

Иосиф Бродский

«У меня была идея на каждое Рождество писать по стихотворению», — признавался Иосиф Бродский. Один из самых значительных поэтов мирового масштаба создал уникальный многолетний цикл рождественских стихотворений, который не имеет аналогов в русской и зарубежной поэзии. Почему из всех евангельских сюжетов Рождество было так значимо для Бродского?

Рождество

Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Звезда светила ярко с небосвода.
Холодный ветер снег в сугроб сгребал.
Шуршал песок. Костер трещал у входа.

Дым шел свечой. Огонь вился крючком.
И тени становились то короче,

то вдруг длинней. Никто не знал кругом,
что жизни счет начнется с этой ночи.

Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Крутые своды ясли окружали.
Кружился снег. Клубился белый пар.
Лежал младенец, и дары лежали.

Исторический контекст

Стихотворение Иосифа Бродского написано в 1963 году во времена так называемой хрущевской оттепели. В этот период были реабилитированы многие литераторы, а для читателей стали доступны ранее запрещенные и неизвестные произведения. Важно, что «оттепель» не означала принципиального отказа от контроля коммунистической партии за литературно-издательской деятельностью. Многие запрещенные тексты, в том числе и стихотворения Иосифа Бродского, распространялись через развивавшийся самиздат (неподцензурное производство и распространение литературы).

Иосиф Бродский — фотография 1963 года

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. руководители КПСС провели ряд встреч с различными творческими объединениями и интеллигенцией. Так, в марте 1963 года Хрущев резко выступил против поэтов и художников, чье творчество не отвечало социальным запросам и, следовательно, не приносило пользы государству. К примеру, «бесполезным» автором был объявлен молодой поэт Иосиф Бродский. Формально его осудили не за литературную деятельность: поэт был арестован, обвинен в тунеядстве и отправлен в ссылку. Однако именно эти события стали одними из ключевых в творческой биографии Бродского.

Автор

Иосиф Александрович Бродский (1940–1996) — не только один из самых популярных русскоязычных поэтов, но и крупная фигура в

мировой литературе. Его стихи переведены на множество языков, его поэтической манере подражают, а тексты разбирают на цитаты.

Бродский родился в Ленинграде. Мать будущего поэта была бухгалтером, отец — фотожурналистом. В 1955 году, окончив только восемь классов, Бродский пошел работать. Он сменил целый ряд профессий: работал фрезеровщиком, кочегаром, санитаром, матросом на маяке, участвовал в геологических экспедициях в Якутии, в Казахстане, на Тянь-Шане. Одновременно Бродский изучал польский и английский языки, занимался переводами.

Иосиф Бродский (портрет у окна с видом на Спасо-Преображенский собор). 1956 г.

Первые стихи он начал писать в 1957 году. Вскоре Бродский познакомился с Анной Ахматовой, которая высоко оценила его талант.

К началу 1960-х гг. слава Бродского-поэта стремительно растет, его имя становится знаковым в литературной среде (особенно в ее неофициальных кругах).

Вольность его стихов, противостояние обыденности, подчеркнутая аполитичность — все это побудило власть настороженно относиться к поэту. Писатель Сергей Довлатов так описал это явление: «Бродский создал неслыханную модель поведения. Он жил не в пролетарском государстве, а в монастыре собственного духа. Он не боролся с режимом. Он его не замечал. И даже нетвёрдо знал о его существовании».

В марте 1963 года состоялись чрезвычайно конфликтные встречи Хрущева с интеллигенцией. Ленинградские власти решили бороться с неблагонадежными представителями творческих профессий. В 1964 году одним из первых попал под удар Иосиф Бродский: он был обвинен в тунеядстве, несмотря на то, что к тому времени успел потрудиться в разных местах. Все его попытки заявить о себе как о профессиональном литераторе натыкались на формальные претензии суда.

Когда его спросили, кто причислил его к поэтам — ведь он не обучался этому в вузе, Бродский сказал: «Я не думал, что это дается образованием». «Тогда чем же?» — спросил судья. Арестованный ответил: «Я думаю, это от Бога».

Бродского сослали в Архангельскую область, в деревню Норенскую. Официально его не печатали. Произведения поэта распространялись только через самиздат. Это способствовало усилению внимания к его творчеству. Недаром великая Анна Ахматова заметила по поводу ссылки Бродского: «Какую биографию делают нашему рыжему».

В 1965 году, пока Бродский находился в ссылке, за границей вышла его первая книга «Стихотворения и поэмы». Чуть позже, благодаря заступничеству все той же Ахматовой, Шостаковича, Чуковского, Маршака и многих других известных деятелей культуры, пятилетний срок ссылки Бродского был сокращен, и поэта освободили. Однако свободно заниматься литературой он не мог. В 1972 году он был вынужден покинуть страну.

Бродский в аэропорту «Пулково» в день эмиграции — 4 июня 1972 г.

С этих пор поэт жил и в США — он преподавал русскую литературу, выпускал поэтические сборники. В 1987 году Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию по литературе «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины». Бродский стал одним из самых молодых лауреатов главной литературной премии (он был удостоен ее в 47 лет) и пятым русским писателем, которому досталась награда имени Альфреда Нобеля.

О религиозности Бродского

Так как речь пойдет об уникальном рождественском цикле стихотворений, неизбежно встает вопрос о религиозности Иосифа Бродского.

Церковным человеком поэт не был, но испытывал огромный интерес к религии, особенно к христианской. За год до своего ареста, в 23 года, он прочел Библию.

Личность и подвиг Иисуса Христа поражали и восхищали поэта…

Библейские образы, сюжеты, мотивы часты для его лирики. Но полностью посвящены этой теме только несколько стихотворений: «Исаак и Авраам» (1963) — единственное стихотворение, написанное Бродским на ветхозаветную тему, «Сретение» (1972), посвященное памяти Анны Ахматовой, и цикл «Рождественские стихи», аналога которому нет во всей мировой литературе.

Произведение

Стихотворение «Рождество» (1963) входит в авторский цикл Бродского «Рождественские стихи», включающий 23 поэтических текста.

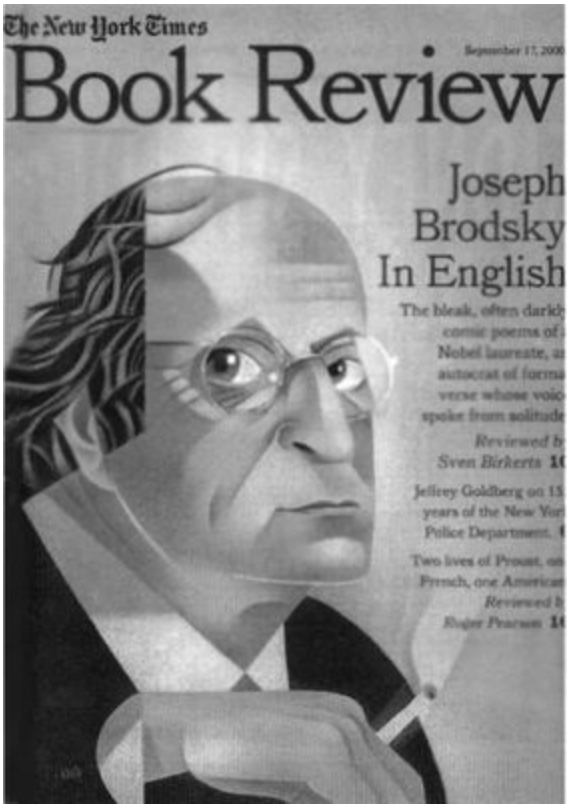
Сам поэт говорил: «У меня была идея в свое время, когда мне было 24-25 лет, на каждое Рождество писать по стихотворению». Эту идею Бродский воплотил в жизнь.

Первым стихотворением цикла стал «Рождественский романс» (1962 год). В течение 10 лет (до 1972 года — года вынужденной эмиграции) Бродский регулярно писал рождественские стихи. Затем последовал перерыв. Рождественская тема вернулась в его творчество в 1987 году (год вручения Бродскому Нобелевской премии). С этих пор и до своей смерти в 1996 году поэт ежегодно создавал новые рождественские стихи. Последнее стихотворение «Бегство в Египет» было написано за месяц до смерти.

В интервью «Рождество: точка отсчета», которое Бродский дал в эмиграции журналисту Петру Вайлю, он рассказал о появлении первых рождественских стихотворений: «Все началось даже не с религиозных чувств, не с Пастернака или Элиота, а именно с картинки “Поклонение волхвов”». Эту картинку Бродский вырезал из одного польского журнала: «Я приклеил ее над печкой и смотрел довольно часто по вечерам <…> смотрел-смотрел и решил написать стихотворение с этим самым сюжетом».

Именно под впечатлением от этой картинки с евангельским сюжетом появилось стихотворение «Рождество» (1963).

Здесь Бродский не выходит за рамки рождественского сюжета, строго следует библейскому повествованию. Он не стремится выразить личное, отношение к этой истории, а показывает значимость события Рождества Иисуса Христа для всего человечества. Здесь он творит в русле традиций литургической поэзии, гимнографии, т. е. отказывается от выражения и описания собственных мыслей и стремится передать атмосферу великой ночи Рождества, с которой начался «новый счет жизни».

Обложка книжного обозрения «New York Times», посвященного Иосифу Бродскому.

«В конце концов, что есть Рождество? День рождения Богочеловека. И человеку не менее естественно его справлять, чем свой собственный. <…> Каждый год к Рождеству <…> я стараюсь написать стихотворение для того, чтобы <…> поздравить Иисуса Христа с днем

рождения. Это самый старый день рождения, который наш мир празднует», — говорил Бродский о великом празднике.

В мировой поэзии нет аналогов «Рождественским стихам» Бродского

Аналогов уникального рождественского цикла Бродского в мировой поэзии не найти. Однако существовало несколько поэтических предпосылок, которые стали отправной точкой для «Рождественских стихов».

Во-первых, это евангельские стихи Бориса Пастернака, включенные в его роман «Доктор Живаго». Хоть Бродский сам и не отмечает влияние Пастернака на свои рождественские стихи, схожие мотивы и образы легко отыскиваются и читателями, и литературоведами.

Во-вторых, у английского поэта XVII века Джона Донна есть венок религиозно-философских сонетов, в которых последовательно излагается жизнь Христа. Донн был одним из любимых поэтов Бродского, стихи которого он переводил и которому посвятил свою знаменитую «Большую элегию Джону Донну» (1963), где использует прием гипнотизирующего причисления предметов, вводящего читателя в состояние дремоты:

> Повсюду ночь: в углах, в глазах, в белье,
> среди бумаг, в столе, в готовой речи,
> в ее словах, в дровах, в щипцах, в угле
> остывшего камина, в каждой вещи.
>
> В камзоле, башмаках, в чулках, в тенях,
> за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
> опять в тазу, в распятьях, в простынях,
> в метле у входа, в туфлях. Все уснуло.

Уснуло все. Окно. И снег в окне.

Бродский признавался, что многому научился у Донна и его цикла сонетов о жизни Христа: «Мне ужасно понравился этот перевод небесного на земной… то есть перевод явлений бесконечных в язык конечный». Рождественские стихи Иосифа Бродского — еще один прекрасный пример такого перевода.

Отсылки к Библии

В своем стихотворении Иосиф Бродский описывает один из значимых эпизодов истории о Рождестве Иисуса — поклонение волхвов.

Волхвами называли восточных мудрецов, жрецов, занимавшихся наблюдениями за небесными светилами. Однажды волхвы заметили на небе необычную звезду. Они знали о древнем пророчестве: вскоре должен явиться миру Спаситель, о рождении Которого возвестит появление удивительной яркой звезды. И, когда звезда засияла на небосводе, волхвы, следуя за ней, отправились в путь, чтобы увидеть Сына Божия и поклониться Ему.

Звезда привела мудрецов в город Вифлеем, где Иисус находился вместе с Богоматерью и Иосифом Обручником. Волхвы *«пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну»* (Мф 2:11). Каждый из даров имел символическое значение.

Золото было поднесено Иисусу как Царю Иудейскому. Такой драгоценный подарок указывал на то, что Младенец рожден, чтобы быть Царем.

Второй дар, ладан, был подарен Младенцу как Богу. Ладан — ценная ароматическая древесная смола, которая традиционно используется в религиозных обрядах.

Третий дар, смирна — это дорогое благовоние, применявшееся для бальзамирования тел при погребении. Смирна была поднесена Иисусу

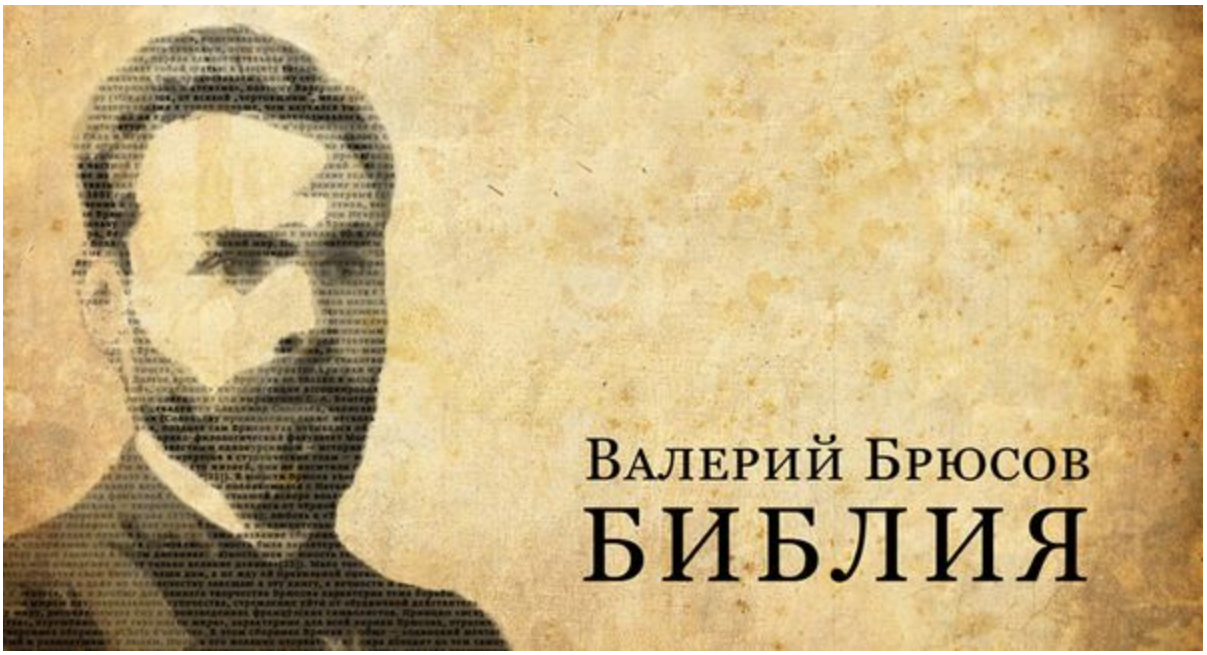
как Спасителю, Который стал Сыном Человеческим и Которому были предречены «многие страдания и погребение».

Согласно преданиям, дары волхвов Богоматерь бережно хранила всю жизнь. Перед Своим Успением Она передала их Иерусалимской Церкви. Позже дары волхвов были перенесены в Константинополь, где их поместили в храме Святой Софии, а в XV веке дары волхвов попали на Афон, в монастырь Святого Павла, где хранятся более 500 лет. Золото представляет собой двадцать восемь небольших пластинок различной формы с разнообразным орнаментом. Ладан и смирна хранятся в виде небольших шариков, которых насчитывается около семидесяти.

Непонятные слова

Волхвы — мудрецы, обладавшие обширными знаниями тайных сил природы, занимавшиеся наблюдением за небесными светилами.

Валерий Брюсов

«Магом» и «верховным жрецом» называли Валерия Брюсова современники-литераторы… Волевой, гордый и властный вождь поэзии Серебряного века пытался охватить своим творчеством все темы, все жанры, весь мир… В репертуаре этого «чародея» есть стихотворение, выделяющееся на фоне его мистического творчества, – «Библия». Как же выглядит «книга книг» в интерпретации самого таинственного поэта русской литературы?

«Библия»

О, книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомленный дух — тебе!

В чреде видений неизменных,

Как совершенна и чиста —
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!

Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой — искушенье Змия,
С голубкой возвращенной — Ной!

Все, в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костер сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец — жив!

И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!

Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих —
Еще светлей, еще лучистей
Творят ряд образов твоих!

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:

Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!

И сколько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.

Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаешь — алтарь пред человеком,
О Библия! о книга книг!

Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

Исторический контекст

Валерий Брюсов пишет стихотворение «Библия» в 1918 году в Москве. К этому моменту в связи с Октябрьской революцией и начинающейся Гражданской войной происходят серьезные подвижки в литературе. Символизм – крупнейшее литературное течение, лидером которого был Валерий Брюсов, перестал отвечать духу времени.

На литературной арене хозяйничают новые направления, которые поддерживают революционные идеи и которым благоволит власть. Главной фигурой, объединившей поэзию и революцию в своем творчестве, стал футурист Владимир Маяковский. Параллельно продолжают свою деятельность авторы, которых традиционно относят к Серебряному веку русской литературы (Блок, Гумилёв, Есенин, Волошин, Цветаева и другие). Часть писателей, испугавшись

Революции, теряет связь с «новой» Россией и покидает страну, формируя новый художественный пласт – литературу русского зарубежья.

На этом фоне Валерий Брюсов в своем творчестве обращается к бессмертной теме религии и бессмертной книге – Библии.

Автор

Валерий Брюсов (1873-1924) в первую очередь известен как поэт-основатель главнейшего в Серебряном веке литературного направления – символизма – и как фигура, которая повлияла практически на всех представителей русской литературы рубежа XIX-XX вв.

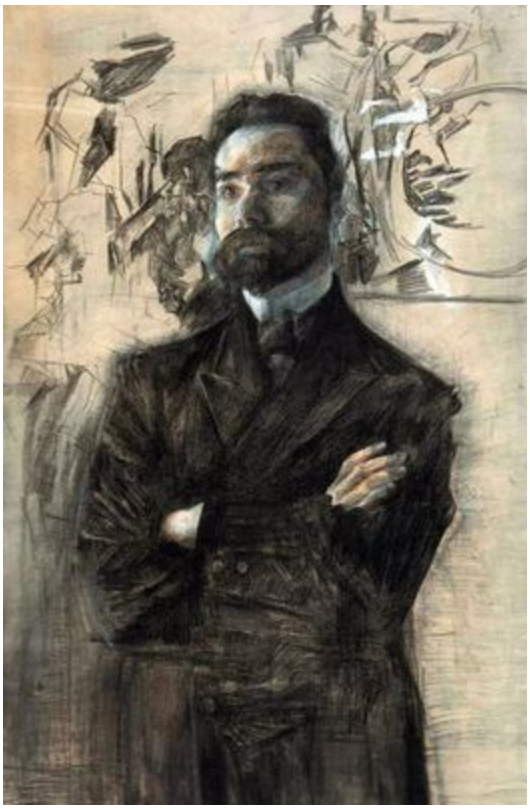

Фото 1906 г.

Поэты-символисты пытались раскрыть в своей поэзии таинственную сущность мира, используя особый язык – язык символов, который понятен только избранным (зачастую только самим символистам). Поэты использовали нелогичные и неожиданные образы. Каждое стихотворение являлось ребусом для читателя. Ярким примером символистской поэзии можно считать стихотворение Брюсова «Творчество»:

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине

В символистский период своего творчества поэт особенно отличался тщеславием и самовлюбленностью, мечтал стать главным поэтом эпохи. Так, свой первый сборник стихотворений в 1895 году он озаглавил «скромно» – «Шедевры» («Chefs d’oeuvre»).

Михаил Врубель. Портрет Валерия Брюсова. 1906 г.

Главной религией в то время для вождя символизма было творчество. Художественному дару поэт поклонялся словно божеству.

Брюсов не был глубоко верующим человеком, но вопросами веры и религии интересовался всегда. Он вырос в купеческой семье, где царили материалистические и атеистические порядки: «о религии в нашем доме и помину не было».

При этом он признавался поэтессе Зинаиде Гиппиус: «Да, я на распутье (…) если я и не верую еще, то хочу и ищу узнать». Одним из показательных примеров обращения Брюсова к тексту Библии является стихотворение «Конь блед» (1904 год), где описывается страшное апокалиптическое видение: на улицах города появляется всадник, „которому имя «смерть»„ (Откр. 6;8). В этом стихотворении позже увидели предсказание катаклизмов в России в первой половине XX века.

В поэте всегда преобладало богоборческое начало. Известны красноречивые строки Брюсова: «И Господа, и Дьявола хочу прославить я» (1901 год). Но он всегда признавал величие Библии, которую поэт внимательно читал со своими собратьями по перу (К. Бальмонтом, А. Белым и др.). Брюсов отводил Писанию важную роль и утверждал, что, «если бы ему нужно было бы ограничить число читаемых книг, то он оставил бы три: «Библию, Гомера и Шекспира».

Валерий Брюсов, в 1900-х (до 1917)

К моменту написания стихотворения «Библия» (1918 г.) Брюсов прекращает играть роль лидера символизма и наставника молодых поэтов. Теперь он переходит к академической деятельности, переводит европейских авторов, читает лекции, работает в разнообразных советских учреждениях, участвует в московской издательской жизни. Отношение поэта к вере и религии меняется. Он серьезно подходит к религиозным проблемам, деля в своей библиотеке книги на определенные разделы: «Библейские истории», «Церковные книги», «Богословие», «Святое писание», «История церкви».

Итогом эволюции взглядов на роль христианства в жизни поэта и на место Библии в ней Брюсов излагает в своем стихотворении «Библия».

О произведении

По своему торжественному настроению стихотворение Брюсова напоминает оды XVIII века. Поэт восхваляет «книгу книг», пишет оду Библии. Естественно, что поэт не использует сложный язык эпохи Державина и Ломоносова, но пишет в том же русле, используя слова и образы, понятные и для современников Брюсова, и для нас.

Брюсов, подтверждая влияние Библии на все искусства, говорит, что и «резец, и карандаш, и кисти» призваны создавать образы «книги книг».

Брюсов был прекрасным переводчиком (поэт переводил Гёте, Гюго, Метерлинка, Уайльда и др.) и мог с полной уверенностью сказать, что Библия в той или иной степени повлияла как на писателей и художников, так и на простого человека: «Еврей, христианин, безбожник, Все, все учились у тебя!».

Интересно, что «Библия» на фоне ранних символистских стихотворений Брюсова выглядит очень прозрачно и очевидно. Однако некоторые значимые библейские имена и сюжеты, связанные с их носителями, нуждаются в объяснении.

Отсылки к Библии

Всего в четырех четверостишиях Брюсов пересказал в хронологическом порядке важные события и истории героев двух первых ветхозаветных книг (Бытия и Исхода).

Праматерь и праведник

Начинает вереницу героев стихотворения первая женщина и праматерь человеческого рода Ева (имя Ева переводится как «жизнь»). Брюсов напоминает читателю историю о грехопадении первых людей. Поддавшись искушению дьявола, явившегося ей в виде змия, Ева, а за ней и ее муж Адам, вкусили в раю запретный плод с древа познания добра и зла, нарушив заповедь Бога. За это Ева и Адам были лишены

бессмертия и изгнаны из Эдема (рая) ангелом, посланным Богом (Быт. 3-20).

Следующим героем, которого упоминает Брюсов в этом же четверостишии, является праведник Ной. В наказание за развращенный образ жизни людей Господь послал на землю Великий потоп. Только Ной, оказавшийся единственным, кто жил чистой жизнью и почитал Бога, получил весть об этом бедствии. Ной по наставлению Бога построил огромный корабль – ковчег. Праведнику было велено взять с собой домочадцев, а также животных «по паре, мужеского пола и женского» (Быт. 7; 9). Начался потоп, все истребилось с земли: остался только Ной и то, что было с ним в ковчеге (Быт. 7; 23). Ковчег странствовал пять месяцев, пока, наконец, вода не остановилась. Когда поверхность земли высохла, обитатели ковчега смогли выйти на сушу. Началась новая эпоха в жизни людей (Быт. 7-8).

Брюсов не забыл упомянуть важного героя истории о Великом потопе –голубя. Чтобы узнать, сошла ли с земли вода, и есть ли на поверхности что-то живое, Ной послал голубя, который однажды возвратился с масличным листом в клюве, «и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8;11). Голубь часто упоминается в Библии и обладает целым спектром символических значений (символ Святого Духа, символ чистоты и невинности). В стихотворении Брюсова, как и в истории о ковчеге, голубь считается добрым вестником, возвещающим мир с Господом.

Красавица и жертвоприношение

В следующих четырех строках автор обращается к драматической истории Авраама и его сына Исаака. Однажды Бог решил испытать веру Авраама: Он повелел принести в жертву его единственного сына Исаака. Как человек, Авраам безутешно страдал, но как преданный служитель Бога он не сомневался в Его справедливости и мудрости.

Придя к вершине горы Мория, он устроил там «жертвенник, разложил дрова, и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров» (Быт. 22; 9). Но Господь вознаградил Авраама, послав ангела, который не позволил пролиться крови Исаака и возвестил старцу, что Бог лишь испытывал его. Авраам стал образцом истинно верующего человека.

Здесь же Брюсов не обделяет вниманием еще один важный библейский женский образ – красавицу Рахиль. Именно она считается праматерью всего израильского народа (о нём Брюсов упоминает в этом же четверостишии). Согласно Библии, этот народ является избранным Богом для того, чтобы через него «совершить спасение падшего человечества». Историю о них поэт Серебряного века излагает в следующих четырех строках.

Иосиф и его братья

Иосиф был любимым сыном Иакова (Быт. 37-50). За это его возненавидели братья и хотели убить. Но, передумав проливать кровь, бросили в ров. В это время мимо проезжали египетские купцы, и братья решили продать им Иосифа.

Оказавшись в Египте, Иосиф претерпевает различные злоключения, но, благодаря своей способности истолковывать сны, достигает власти. После того, как его братья, страдая от голода, прибыли в Египет, он дал им пищу и кров. Иосиф не только не отомстил за их бессердечность и жестокость, а проявил к ним братскую любовь и учтивость.

Пророк и скрижали

Завершает цепочку ветхозаветных героев пророк Моисей. Именно он считается автором первых пяти книг Библии. Он – вождь израильского народа. Именно ему на вершине горы Синай Господь вручил каменные

таблички (скрижали) с высеченными на них десятью заповедями – религиозно-моральными предписаниями (Исх. 20-24).

Таким образом, в своем стихотворении «Библия» Валерий Брюсов определил исключительную роль Священного писания в жизни каждого человека, выделив ключевые библейские ветхозаветные образы для искусства, литературы и живописи.

Непонятные слова

Резец – инструмент с лезвием для резания чего-нибудь. Пример: резец скульптора.

Скрижаль – табличка, доска с текстом (как правило, священным). По библейскому сказанию, 10 заповедей Моисея были начертаны на двух каменных скрижалях.

Алтарь (от лат. altāria < altus высокий) – 1) главная часть христианского храма, где находится престол; 2) здесь: в значении святыни.

Афанасий Фет

«Не религиозен, скептик и язычник», — так охарактеризовал Афанасия Фета сын Льва Толстого, музыковед Сергей Толстой. Современники поэта отмечали туманность и неясность образов его стихотворений. «Где-то, что-то веет, млеет…», — именно так начинается пародия Ивана Тургенева на лирику Фета. Мы покажем вам «другого Фета» — преисполненного духовной жажды, ярко и убедительно выражающего в своей лирике противоречивые мысли.

«Когда кичливый ум, измученный борьбою…»

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,

Когда, безумное, но чувствами всесильно,

Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречет свой страшный приговор:

Страдать, весь век страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить — и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, —

О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечет опять к Отцу! —
Я верю вновь во всё, — и с шепотом моленья
Слеза горячая струится по лицу.

Исторический контекст

Начало 40-х годов XIX века — время перемен и новых литературных поисков. Один за другим уходят Пушкин (1837) и Лермонтов (1841). На место главного художественного метода начинает претендовать реализм, или как говорили в те времена, «натуральный» метод, родоначальником которого многие считали Николая Гоголя (во многом, игнорируя собственный взгляд писателя на свои произведения). Главной эстетической установкой реализма было изображение действительной жизни со всех ее сторон: обыденных, часто довольно неприглядных, но, главное, естественных, натуральных.

Одним из характерных литературных событий сороковых стало издание в 1845 году альманаха в прозе «Физиология Петербурга» под редакцией Николая Некрасова. Авторы альманаха рассматривали городскую жизнь в сугубо социальном разрезе. Их не привлекала индивидуальность, уникальные черты характера и повороты судеб отдельных людей. Внимание было сконцентрировано на обобщенных типах обитателей города (дворник, шарманщик и проч.), причем

индивидуальные бытийные различия внутри каждого типа, по мнению писателей-«физиологов», исчезающе малы.

В прозе 1840-х эта тяга к обобщению часто доходила до такой степени, что абсолютно всё в людской природе объяснялось социальными условиями, материальными, бытовыми, заземленными причинами. Постепенно это реалистическое и социальное направление будет расширять влияние и в поэзии.

Но немалое число поэтов продолжат «петь» о своём. Их по-прежнему будет волновать личность, осмысление сокровенных тайн человеческой души. Они сохранят верность поэтической лирике, сконцентрированной на внутреннем, сердечном переживании. Таких поэтов немало: Аполлон Майков, Алексей Плещеев, Аполлон Григорьев, Евдокия Ростопчина. Но среди собратьев по перу Афанасий Фет окажется голосом особенно прекрасным. Голосом, который расслышали и оценили искатели нового поэтического слова, уже в веке двадцатом…

Автор

Шеншин — Фёт — Фет

«Визитной карточкой» поэта для многих служат простые и пронизанные радостным светом строки:

«Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало…»

И в восприятии многих современников Афанасий Афанасиевич воспринимался как позитивный, добродушный и по-своему

благополучный человек. Однако сам наш герой совсем иначе оценивал прожитое.

Супруга А.А. Фета — М.П. Боткина

«Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет», — признался поэт жене в 1874 году.

Он родился и вырос в семье зажиточного орловского помещика Афанасия Шеншина и его жены, урожденной Шарлотты Беккер (Фёт). Когда мальчику было 14 лет, ему неожиданное было велено носить фамилию первого мужа матери — Фёт: обнаружилось, что он родился до того, как брак его отца с Шарлоттой был освящен. Фетом Афанасий Афанасиевич станет по ошибке наборщика в типографии при издании журнала. С тех пор две точки над «е» в фамилию автора не возвращались.

Эта история со сменой имени вовсе не была забавным приключением. Четырнадцатилетний Афанасий лишился не просто фамилии — но к тому же дворянского звания и прав на наследство. Для него такая

потеря была истинной катастрофой, перевернувшей всю его жизнь. Он во что бы то ни стало решил вернуть утраченное.

Именно поэтому с 1845 года после окончания университета и до своей отставки в 1858 году Фет находился на военной службе: это давало возможность получить дворянство. Только в 1873 году ему была возвращена фамилия Шеншин, а также даровано потомственное дворянство. Однако под своими стихами он до конца своих дней продолжал ставить фамилию Фет.

Исследователи и современники считали, что Фет и Шеншин — это два абсолютно разных человека. Один — одаренный поэт, воспевающий природу, стремящийся передать читателю красоту мимолетных движений человеческого сердца, другой — волевой практичный человек, офицер. Лев Толстой писал Боткину в 1857 году: *«…И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь! — Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов».* Возможно, Афанасию Афанасиевичу просто хорошо удавалось скрыть от окружающих свою внутреннюю драму…

«А г. Ф. много обещает», — именно так оценил ранние стихи Фета один из главных критиков XIX века Виссарион Белинский. Положительную оценку его творчеству дал и Николай Гоголь. То есть дорога в большую литературу открылась перед ним с самых первых публикаций. После издания в 1840 году первого сборника стихотворений, в 1841 году Фет начинает печататься в журнале славянофилов «Москвитянин», а в 1842 году — в «Отечественных записках». Фет становится известным поэтом, а его стихотворения — популярными романсами. Первым стихотворением Фета, положенным на музыку, стало «На заре ты ее не буди…»: вряд ли в русской литературе кто-то писал нежнее о своих любовных чувствах. Параллельно Афанасий Афанасиевич писал публицистику, мемуары, занимался переводами философских работ.

Фет прожил долгую жизнь, творил более пятидесяти лет. Его творчество оказало огромное влияние на поэзию XX века. Особенные любовь и почитание он обрел в круге поэтов-символистов, которые

считали Фета одним из самых значительных русских поэтов, своим учителем и предтечей.

Был ли Фет атеистом?

В 80-х годах XX века на страницах журнала «Вестник русского христианского движения» вспыхнула полемика: каков религиозный характер и направление поэзии Фета. Действительно: вопросы веры и религии занимали ум Фета на протяжении всей жизни, однако это был сложный поиск, причем очень личностный и болезненный. Религиозная тема возникает и «прячется» в контексте других «вечных» вопросов: любви, искусства, образа красоты, — не зря лирику Фета называют «поэзией намёков».

Портрет Фета в молодости

В ранних стихах первого сборника «Лирический пантеон» 1840 года уже можно отыскать несколько стихотворений с христианскими мотивами, затерявшихся среди языческой антологической (в духе античной лирики) поэзии. С каждым фетовским сборником религиозная тема по-своему развивается, а в позднем творчестве окрашивается в философские тона. В 1880-е годы Фет переводит грандиозный труд немецкого философа-пессимиста Шопенгауэра «Мир как воля и представление», и шопенгауэровское восприятие мира произвело на Фета сильное впечатление.

Афанасий Афанасиевич, получивший традиционное религиозное воспитание, хорошо разбирался в библейских образах. Например, в стихотворении «Когда Божественный бежал людских речей…» представлена евангельская история об искушении сатаной Христа во время его многодневного поста в пустыне. А стихотворение «Чем доле я живу, чем больше пережил…» является прекрасным переложением молитвы «Отче наш…».

Но знания и образованность не отрицают для человека сомнений и колебаний в поиске Божественного. Вопрос о религиозности Фета, пожалуй, навсегда останется предметом споров. Единственное, что можно сказать уверенно: он никогда не был равнодушен к религиозным вопросам, размышления о вере волновали его на протяжении всего жизненного пути. Это факт неоспоримый. И лучше всего о них говорят его произведения.

Произведение

Стихотворение «Когда кичливый ум, измученный борьбою…» Фет написал в 1842 г., когда ему было 22 года. Впервые текст произведения был опубликован в студенческом альманахе «Подземные ключи».

Здесь запечатлен ранний опыт духовных борений автора. В стихотворении можно заметить значимое для лирики Фета противопоставление разума («кичливого ума») и сердца. Фет никогда не признавал приоритета рационального начала. Для него только сердечным опытом, опытом чувства можно проникнуть в суть вещей.

Поэт утверждал, что «Бог сидит в чувстве, и если Его там нет, разум Его не найдет». Возвышенное, Прекрасное, Божественное можно найти только с помощью интуитивного творческого прозрения.

Три первых четверостишия — это описание ситуации духовных исканий. Последние четыре строки — свершение внутреннего события, когда после периода колебаний, сомнений герой вновь обретает веру: *«Я верю вновь во все — и с шепотом моленья / Слеза горячая струится по лицу».* Условиями молитвенного переживания и обретения веры являются, в первую очередь, угасание «кичливого» ума, отказ от холодной рациональности, а также принятие неизбывности страданий. Интересно, какими эпитетами награждает Фет сердце, призывая заполнить пустоту, проистекающую от безверия: бедное, безумное, страдающее, всесильное только чувствами. Рождается молитвенный, покаянный порыв, который Фет передает, используя известный библейский образ: *«О, как мне хочется склонить тогда колени,/ Как сына блудного влечет тогда к Отцу!»*

В словах «Я верю вновь во всё» слышится драматическое библейское «Верую, Господи! Помоги моему неверию». Мятущееся сознание находит успокоение в вере.

Отсылки к Библии

В стихотворении Фет использует известный библейский образ блудного сына. Евангельская история о блудном сыне часто и многообразно обыгрывалась во многих произведениях мировой культуры. В русской литературе до Фета она появлялась в произведениях Древней Руси, у авторов XVIII века, Жуковского, Батюшкова, Пушкина и др. Знаменитая притча рассказывается в Евангелии от Луки. В ней повествуется о некоем человеке и двух его сыновьях. Младший потребовал выдать ему причитающуюся долю наследства. Получив свое, он покинул дом и, скитаясь в дальних краях, растратил все свое состояние. Оказавшись в бедственном положении, он принял решение вернуться в отчий дом. Блудный сын сказал: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться

сыном твоим (Лк 15:21). Отец принял его искреннее раскаяние, велел одеть его в лучшие одежды и устроил пир: Станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк 15:23–24).

К образу блудного сына прибегают тогда, когда говорят о человеке, который раскаялся в своих заблуждениях. Этот образ напоминает, что только при условии истинного смирения возможно прощение.

Герой стихотворения, осознавший свою греховную ошибку-сомнение, раскаивается в ней, сравнивая себя с героем библейской притчи: «О, как мне хочется склонить тогда колени, / Как сына блудного влечет опять к Отцу! — / Я верю вновь во всё, — и с шепотом моленья / Слеза горячая струится по лицу». Дважды Фет использует сравнение с блудным сыном: «Стою как блудный сын перед лицом отца, / И плакать бы хотел — и плакать не умею» («В саду»). Стихотворение — признание острого, до слёз стремления к встрече с Богом, — чувства, которое остается и желанным для поэта, но и неутоленным.

Непонятные слова

Кичливый — горделивый, высокомерный, надменный

Проведать — узнать

Взирать — смотреть

Александр Галич

Часто поэты создают свои произведения, опираясь на различные религиозные жанры, вкладывая в это особый духовный смысл. Александр Галич назвал одно из своих стихотворений «Псалом». Почему?

«Псалом»

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину

В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И полон предчувствием смутным
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня.

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой Бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
– Иди и убей!..

И канули годы,
И снова –
Все так же, но только грубей,
Мой Бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
– Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И Бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
– Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог –
На поиски доброго Бога
И – ах да поможет мне Бог!

Исторический контекст

В 1971 году одного из самых популярных исполнителей авторской песни Александра Галича исключили из Союза писателей СССР, в 1972 году – из Союза кинематографистов и вынудили эмигрировать из страны. Что же такого крамольного и неугодного властям было в текстах знаменитого барда?

Изгнание Галича произошло в эпоху «развитого социализма», когда литература находилась в сложном положении. Период хрущёвской «литературной оттепели», в котором ослабли идеологический и цензурный гнет, закончился. «Застой», охвативший экономическую и общественно-политическую сферы жизни в Советском Союзе, затронул и творческую сферу. И без того небольшой круг тем, связанных с болезненными проблемами истории и современными реалиями жизни, которые удавалось обсуждать, оказался под запретом.

К 70-м годам произошло разделение литературы на официальную и «подпольную», которая государством не признавалась. Если в сталинское время несогласные с властью авторы подвергались репрессиям, то теперь с ними боролись не столь грубыми методами. Не было необходимости в громких судебных процессах. Оказать давление на поэта или художника можно было иначе, лишив контакта с читателем, слушателем или зрителем. Единственным способом абсолютно свободно, безо всякой цензуры достучаться до своей аудитории оставался либо так называемый «самиздат», либо магнитофонные записи. Творчество А. Галича в основном распространялось именно в виде магнитофонных катушек с его песнями. Люди их копировали, передавали друг другу и слушали вместе.

Автор

В 1949-1950-е годы Галич был известен как драматург, автор киносценариев. Причем за фильм «Государственный преступник» он даже был награжден премией КГБ СССР. Разрыв Галича с господствующей идеологией начался в 60-е годы. Он постепенно осознавал себя убежденным противником советской системы и не стал скрывать своих оппозиционных взглядов. Напротив, появились его остросоциальные песни о терроре 1920-1930-х годов, Холокосте, ужасах лагерей и ссылок, неприглядных моментах Второй мировой войны. Особенно остро он высмеивал советские порядки, сложившиеся ко временам «застоя», которые связываются с именем Брежнева. Параллельно с этим, он выпустил в «антисоветском» зарубежном издательстве свою книгу, которая не могла быть опубликована в СССР по цензурным соображениям.

Одновременно он отказывается от атеистических взглядов и осознает себя верующим человеком, делая выбор в пользу православной веры.

Поэт принял крещение в 1973 г. Как отмечал духовник поэта протоиерей А. Мень: «Галича влекло христианство». Несомненно, крещение было обдуманным решением, вызванным постоянным исканием правды и верного пути.

Все произошедшее с Галичем вызвало жесткую реакцию власти. Александру Аркадьевичу было открыто предложено уехать из страны, в противном случае ему грозил суд. Галич решил уехать.

Перед самым вылетом за границу таможенники остановили Галича и потребовали снять золотой крестик. Поэт же ответил: «В таком случае я остаюсь!» Только после долгих переговоров Галича все-таки пропустили.

Он прошел сложный путь от богоотрицания к вере. Воцерковленным Галич так и не стал, он не изменил светского образа жизни. Но крещение, по словам самого поэта, было «единственной возможностью осознавать себя человеком».

Лучше всего его религиозный поиск отразился в стихотворении «Псалом», написанном за два года до крещения. Это стихотворение с полной уверенностью можно назвать духовной автобиографией автора.

Произведение

Полное название стихотворения А. Галича: «Сто первый псалом».

Псалом – это хвалебная песнь, прошение, обращенное к Богу. Собрание псалмов входит в библейскую книгу Ветхого Завета Псалтирь и составляет одну из основ Православного богослужения. Содержание стихотворения не является прямым переложением библейского 101-го псалма, который определяют как «Молитву страждущего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою». «Псалом» Галича совпадает с библейским псалмом только по настроению. Это размышления о тягостных обстоятельствах, выражение о личной печали. Строки «Я был подсечён, как трава» (Пс. 101: 11); «Весь день поносили меня враги мои» (Пс. 101: 8) явно перекликаются с судьбой поэта.

Главное для Галича здесь не пересказ, а попытка запечатлеть свой духовный путь.

Отсылки к Библии

Трижды герой старается создать бога по своим собственным представлениям, и трижды слышит грозное: «Иди и убей!». Такой призыв – нарушение одной из главнейших заповедей: «Не убивай» (Исх. 20: 13). Однако он продолжает поиски «доброго Бога». Давайте рассмотрим эти три попытки героя.

Бог первый: Бог из глины, или «Не сотвори себе кумира»

Начальные строки стихотворения отсылают нас к библейскому описанию начала времен, только не Бог лепит человека из глины, а наоборот — человек творит бога: *«Я вылепил руки и ноги, / И голову вылепил я».* Герой создает себе глиняную фигурку, идола, что противоречит еще одной из библейских заповедей: *«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исх. 20: 4)*. Герой мечтает, что бог *«будет добрым и мудрым, / Что Он пожалеет меня!». Однако такой бог призывает: «Иди и убей!..»*

Обращение к библейским образам помогло Галичу выразить свои взгляды на культ, который сформировало советское время. Почитание вождей (особенно Сталина) насаждалось буквально с детского сада. Поэт говорит о разочаровании в собственном доверии начальству, которое перерастало практически в религиозную веру. Теперь же автор прощается с верой в советских идолов.

Бог второй: Бог из слова, или Евангелие наоборот

Через несколько лет герой сотворил нового Бога — из слова. Этот образ перекликается с евангельскими словами *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).*

В христианской традиции Слово – это символ созидания мира Богом. Однако в «Псалме» Галича Бог-Слово заменен богом, созданным из слова человеческого, что противоречит евангельскому контексту. Слово человеческое отличается от Божьего своим несовершенством, поэтому и второй бог говорит герою: «Иди и убей!» Здесь же – отношение автора к слову в коммунистическую эпоху, в которой оно утрачивает сакральный смысл. Слова становятся «мёртвыми» (именно о таких словах писал Николай Гумилёв в своем знаменитом «Слове»), используются властью в качестве пропаганды. А для советского человека и вовсе правильнее было промолчать.

И от такого божества Галич отрекается.

Бог третий: Бог из страха, или «Не надо, люди, бояться!»

Путь к Истине противоречив и тяжел, но герой «Псалма» продолжает отчаянный поиск: *«И шел я дорогою праха, / Мне в платье впивался репей».*

Возникает третий бог, созданный из страха. Очевидно, что речь здесь идет о той части коммунистической системы, которая наряду с попыткой вдохновить людей утопией о светлом будущем, параллельно запугивала и уничтожала тех, кто отказывался идти за коммунистами. Угроза для человека, который воспротивился этой системе, не была чем-то гипотетическим. Это была реальная опасность столкнуться со всей мощью системы, включая потерю работы, травлю и, в конечном итоге, тюремное заключение. Этого Галич принимать не хочет и не может.

«Блаженны изгнанные правды ради»

Бог-начальство, бог-пропаганда, бог-насилие и страх: кланяться им автор «Псалма» не желает. Где же искать истинное божество? В Боге, который исповедует любовь. Но автор еще не называет Его. Для него образ Божий открылся не до конца, но движение к Нему уже началось, и уже началась молитва. Стихотворение заканчивается словами: «да поможет мне Бог!»

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Франция)

«Псалом» – описание духовного взросления, когда человек, подвергшийся стольким лишениям, внутренним метаморфозам, в какой-то момент сознательно обращается к Богу. А. Галич был вынужден покинуть родину, но это изгнание – только внешний факт. Сам он всю жизнь находился в пути, несмотря на ошибки и жизненные проблемы. И символом этого пути вполне могут стать слова, написанные на могиле поэта: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5:10).*

Николай Гумилёв

Можно ли словом разрушить город? Остановить солнце? Что такое «мёртвые слова»? И отчего они омертвели? Разбираемся вместе!

«Слово»

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это — Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Исторический контекст

Стихотворение написано в Петрограде в 1919 году. Монархия низвержена, Временное правительство тоже, Учредительное собрание разогнано. В стране к власти пришли большевики во главе с Лениным, второй год бушует Гражданская война, и кто в ней окажется победителем, еще неясно. На территории, подконтрольной большевикам, действует политика военного коммунизма, развязан террор, жертвами которого оказываются не только активные противники советской власти, но и обычные люди, имеющие

«подозрительное» социальное происхождение: дворяне, купцы, духовенство, бывшие офицеры царской армии, чиновники и так далее.

Подвергается гонениям Православная Церковь, поскольку в ней большевики, убежденные атеисты, видят своего наиболее последовательного идейного противника.

Активно насаждается атеизм, открытое исповедание своей веры становится смертельно опасным.

Автор

Автор «Слова» — поэт Николай Гумилёв, к моменту написания стихотворения он широко известен в России, у него вышло немало поэтических сборников.

Фотография Максимилиана Волошина, Гумилёв Н. С. в Париже, 1906 г.

Революцию Гумилёв не принял и со всем патриотическим воодушевлением заявляет, что он — монархист. Поэт читает революционным матросам поэтические строки о «портрете государя», никогда не отказывается от своих взглядов, но публично против советской власти не выступает. Веря в то, что Россия все-таки встанет на истинный путь, Гумилёв занимается самым главным своим делом — литературой. Он читает лекции, руководит поэтическими кружками, переводит и подчас ведет себя абсолютно аполитично:

Вы знаете, что я не красный,
Но и не белый — я поэт!

Николай Гумилев. Фотография М.С. Наппельбаума, 1918 год

К.И. Чуковский пишет об еще одной опасной «привычке» Гумилёва: *«Он совсем особенно крестился перед церквами. Во время самого любопытного разговора вдруг прерывал себя на полуслове, крестился и, закончив это дело, продолжал прерванную фразу».*

В августе 1921 года Гумилёв был арестован в Петрограде. Чекисты обвинили его в участии в контрреволюционном офицерском заговоре и расстреляли.

В тюремную камеру Гумилёв взял с собой две книги: Евангелие и «Илиаду» Гомера.

Один из очевидцев рассказывал о том, как держался Гумилёв перед расстрелом: *«Этот ваш Гумилев… Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете. Шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докуривал папиросу… Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж — свалял дурака. Не лез бы в контру, шел бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны».*

О произведении

«Слово» всегда признавалось программным стихотворением Гумилёва, последним и наиболее громким возгласом поэта. Известный издатель, поэт и переводчик начала XX в. Николай Оцуп писал, что именно это стихотворение «звучит как церковный колокол, утром изгоняющий ночных бесов».

«Слово» — одно из самых известных и цитируемых произведений Н. С. Гумилёва (наряду с «Жирафом» и «Заблудившимся трамваем»).

Оно было опубликовано в 1921 году в сборнике «Огненный столп», который вышел из печати уже после того, как Гумилёв был расстрелян.

Стихотворение в образной форме говорит о том, что потеря веры в Бога обесценивает и обессмысливает жизнь, что безбожие губительно, что отказ от веры ведет к распаду самих основ бытия, к смерти духовной.

Отсылки к Библии

Для того чтобы продемонстрировать былую власть слова над миром, Гумилёв пишет, что оно было способно остановить солнце и разрушить города. Эти образы не случайны.

Когда и где в библейском тексте было остановлено солнце?

Сюжет об остановке солнца находится в ветхозаветной Книге Иисуса Навина. Он связан с историей завоевания израильским народом земли обетованной — с битвой с аморрейскими царями. Иисус воззвал к Богу, и по воле Господа было остановлено солнце: *«И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день?» (Нав. 10:13–14).* Слово здесь, как и в тексте Гумилева, — орудие воли Всевышнего.

Где в Библии «словом разрушали города»?

Эта строка Гумилёва снова отсылает к эпизоду из книги Иисуса Навина. Когда израильский народ входил в обетованную землю, на его пути встал укрепленный город — Иерихон. Для того чтобы его сокрушить, народ обходил вокруг стен города и трубил в трубы: *«Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена города до своего основания» (Нав. 6:19).*

Образ труб («трубного гласа») также встречается в Откровении Иоанна Богослова как обязательный атрибут Ангелов Апокалипсиса.

Страшный суд, Виктор Васнецов (фрагмент). 1904

Что такое «огненный столп»?

Стихотворение «Слово» входит в последний поэтический сборник Гумилёва «Огненный столп» (1921 год). Само название сборника указывает на религиозные аллюзии.

В Библии «огненный столп» встречается в книге Исход: *«И двинулись сыны Израилевы из Сокхофа и расположились станом в Ефали. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп огненный и столп облачный от лица народа» (Исход 13:20–22).*

Этот же образ присутствует в Апокалипсисе: *«Видел я Ангела […], сходившего с неба […], и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные» (Откр. 10:1).*

«В начале было Слово…» — что имел в виду Гумилёв?

«И в Евангельи от Иоанна Сказано, что Слово это — Бог». Эти гумилёвские строки — прямая отсылка к одной из самых известных новозаветных цитат: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоан. 1:1). Согласно христианскому вероучению, Бог троичен, и одна из ипостасей Пресвятой Троицы — Бог-Сын, также именуется и Богом-Словом (Логосом по-гречески)».

Христос. Автор: Наталья Гончарова. Рисунок с дарственной надписью Н. С. Гумилёву

Что такое «умное число»?

В «Слове» Гумилёва показано противопоставление слова и числа. В этом отрывке замена слов числом знаменует несчастливое событие: все те «оттенки смысла», которые передает «умное число», оказываются теперь более важными, чем созидательная сила слова. Та живая сила, божественный звук, однажды потрясший стены города, сменяется немым, недвижимым числом.

Образ седого патриарха, который молча чертит на песке число, восходит к образу Пифагора или, как отмечают некоторые исследователи, пророка Моисея, жизнь которого описана в ветхозаветной Книге Чисел.

Чем же пахнет слово?

Образ мертвых, дурно пахнущих слов указывает на мифологические представления, согласно которым благоухание является знаком блаженства, а дурной запах — знаком смерти, зла.

Гумилёв имеет в виду, что в современном мире слова утратили свою священную (сакральную) силу.

Он сопоставляет былое Божественное слово с обыкновенными словами, которые оказываются «мертвыми».

Непонятные слова

Оный (устар.) — тот, тот самый;

Осиянный (устар. высок.) — озаренный, освещенный;

Подъяремный (устар.) — находящийся в порабощении у кого-то, под ярмом. У самого же слова «ярмо» два значения: 1) деревянный хомут для рогатого скота; 2) бремя, тяжесть.

Патриарх — изначально это слово означало главу рода, большой семьи. Именно в этом смысле оно и употреблено в стихотворении.

Михаил Лермонтов

«Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы», — говорила о Лермонтове Анна Ахматова. «Сумрачным и властным» поэтом и вдохновенным «мучителем» называли его Брюсов и Мандельштам. Константин Бальмонт утверждал, что с этим поэтом говорят и демоны, и ангелы. А философ Василий Розанов отмечал: *«Мне как-то кажется, что он ушел бы в пустыню и пел бы из пустыни. А мы его бы слушались и послушались».* Как пророка. «Пророк» Михаила Лермонтова — одно из последних стихотворений самого трагического поэта русской литературы.

«Пророк»

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Исторический контекст

«Собаке — собачья смерть», — сказал Николай Первый своим приближенным, когда узнал о гибели Лермонтова на дуэли летом 1841 года. И спустя буквально минуту, перейдя из комнаты в комнату, заговорил совершенно иначе: *«Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит».* В какой момент царь выражал истинное свое отношение к Лермонтову? Признавал ли его талант и если да, то отчего настолько невзлюбил? Оглянемся на несколько лет назад, на события 1837 года.

«Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — писал известный деятель русского искусства XIX Владимир Стасов об одном громком стихотворении. На императора Николая оно произвело столь сильное «впечатление» (стихи были признаны «бесстыдным вольнодумством, более чем преступным»), что царь в ярости отправил автора на Кавказ в действующую армию: идет очередная фаза 60-летней кавказской войны (1817—1864 гг.).

Автором был молодой поэт Михаил Лермонтов. А произведение называлось «Смерть Поэта» (1837) и было написано на гибель Александра Пушкина. В своих строках Лермонтов, неизвестный дотоле, обличал тех, кто «жадною толпой» стоит у трона, «палачей» «Свободы, Гения и Славы», виновных в гибели великого Пушкина, и грозно предупреждал, что впереди их ждет главный суд — Божий.

Анонимная копия стихотворения попала к Николаю I с припиской «Воззвание к революции». Аристократические и придворные круги, которым поэт сулил расправу, имели право расценить обещание «Божьего суда» как суда народного, перед которым когда-то придется им предстать. И с этого момента воспитанник Московского университета Лермонтов оказался в оппозиции к властям николаевского Петербурга. А для самого императора, наряду с революционным духом, стихотворение было обидно и в лично плане: он однозначно не был врагом Пушкину, по-своему, стремился устроить жизнь поэта, а когда тот погиб, оплатил все его немалые долги. С тех

пор внимание Николая к любому действию Лермонтова было предельно пристрастным и внимательным.

И все же, почему настолько пристрастным? Невозможно объяснить этого вне обстоятельств, в которых пришёл к власти и царствовал Николай Первый. В декабре 1825 года дворяне, среди которых были и весьма талантливые, умные, влиятельные, чуть было не совершили в России революцию. Среди нескольких вариантов плана у декабристов существовал и вариант убийства царя вместе со всей семьей. Драма декабрьского восстания и расследование заговора сформировали позицию Николая, который стремился избежать повторения событий и не допустить в России распространения революционных настроений. Которые постепенно расширялись в Европе.

Император воспринимал себя часовым, который не дает обществу пересечь определенную черту, которую он считал роковой. И призывал элиту, в том числе и литературное сообщество, если можно так выразиться, «вступить в свою партию». Ему желалось, чтобы художественное слово стало элементом служения — не искусству-вообще, а державе, государственному спокойствию. И чем талантливее был творец, тем большую ревность по отношению к его позиции имел Николай. В том, что Лермонтов – гений, сопоставимый с Пушкиным, царь не сомневался. Но считал оскорблением, что этот гениальный автор (вместо того, чтобы написать нечто, подобное пушкинской «Полтаве») открывает «стрельбу» по стоящим у трона и зовет на них «божий суд».

Дуэль Печорина с Грушницким. Врубель М. А.
Иллюстрация к роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Характерна история с прочтением Николаем романа Лермонтова «Герой нашего времени». Начиная читать произведение, император одобрительно отметил, что «Герой…» «хорошо написан». Он думал (в виду особенности расположения глав в романе), что героем романа и «нашего времени» станет преданный службе и близкий к народу офицер Максим Максимыч. Но пришел в ужас, когда осознал, что центральный персонаж — это Григорий Печорин, фаталист, безответственный и непредсказуемый человек, который сам признает свою ущербность. *«Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил»,* — говорит герой Лермонтова. Николай, назвав ум автора развращенным, указал, что *«такими романами портят нравы и ожесточают характер».*

Об авторе

Михаил Лермонтов (1814–1841) — один из крупнейших литературных деятелей XIX века. Ему, дворянину, обучавшемуся в Московском университете, унтер-офицеру лейб-гвардии Гусарского полка, довелось ощутить всю тяжесть переходных лет, последовавших за разгромом декабристского восстания. Этим объясняются его трагическое восприятие окружающего, тоска, ощущение безысходности, с невероятной четкостью отразившиеся в его поэзии.

Несмотря на недолгую жизнь, Михаил Лермонтов проделал тяжелый духовный путь, отмеченный то сомнениями в вере, то острым стремлением к ней и к Богу. Исследователи отмечали, что в поэте всегда боролись два начала. И одно из них – гордое и своевольное, бунтарское и богоборческое, злое (что отчетливо проявилось в литературных образах Печорина, Демона, Мцыри и др.). Поэтому трудно найти в русской, да и в мировой лирике, произведения большего трагизма, чем в поэзии Лермонтова. В стихотворении «Смерть» (1830–1831 гг.) поэт писал:

> Я на творца роптал, страшась молиться,
> И я хотел изречь хулы на небо,
> Хотел сказать…
> Но замер голос мой, и я проснулся.

Одновременно в стихотворении «Исповедь» (1831) поэт силится утвердиться в вере, говорит самому себе: «Я верю, обещаю верить…». И это — иной Лермонтов, у которого по небу летит ангел, а пустыня «внемлет Богу».

Портрет Лермонтова. П. П. Кончаловский

Он отличался сложным характером: часто вел себя вздорно, не сходился с людьми, вступал в конфликты. Впечатлительный, ранимый, постоянно ищущий себя, Лермонтов оставался внутренне одиноким. Ощущение одиночества и осознание себя чужим окружающему миру живет в любой теме лермонтовского творчества:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.
(Одиночество)

Предельная концентрация поэта на своих мыслях, познание собственной личности, сосредоточенность на извечных вопросах

бытия и поиск своего места в мире позволили философу Владимиру Соловьеву вспомнить о легенде, согласно которой предком Лермонтова был шотландский поэт XIII Томас Лермонт, обладавший пророческим даром. Поэзия Лермонтова носила пророческие черты. Когда поэту было всего 15 лет, в стихотворении «Предсказание» (1830) он пишет: *«Настанет год, России черный год, Когда царей корона упадет, Забудет чернь к ним прежнюю любовь, И пища многих будет смерть и кровь».* В этих строках — предсказание будущих страшных исторических катаклизмов: Гражданской войны и революции.

Он всегда остро чувствовал не только социальные противоречия, но и подмечал конфликты внутри человека. А в своем позднем стихотворении «Сон» Лермонтов практически в точности предсказал свою гибель на дуэли с бывшим товарищем Николаем Мартыновым: *«В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я, / Глубокая еще дымилась рана, / По капле кровь точилася моя». Еще один предвестник собственной участи — сцена дуэли в «Герое нашего времени».*

«Право, в нем таится что-то великое», — писал о Лермонтове известный критик Белинский после встречи с поэтом в 1840 году.

За два года до гибели Лермонтов выпустил свой первый и единственный прижизненный сборник стихотворений, содержащий также две поэмы: «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Лермонтов завершил роман «Герой нашего времени», в котором на примере главного героя описал болезнь века, проистекающую от равнодушия, безверия и порочности.

Весной и в начале лета 1841 года Лермонтов находился на Кавказе в повторной ссылке за дуэль с Эрнестом де Барантом, сыном французского посла. А 27 июля того же года поэт был застрелен на дуэли у подножья горы Машук близ Пятигорска (его убийца, Мартынов).

Незадолго до смерти, в записной книжке, подаренной ему писателем Одоевским, Лермонтов оставил свои последние стихотворения: «Выхожу один я на дорогу», «Спор», «Они любили друг друга»,

«Утес» и др. Одним из этих стихотворений был знаменитый «Пророк» — поэтическое осмысление духовного странничества Лермонтова.

О произведении

Надписи в книге «русского Фауста»

Стихотворение Лермонтова «Пророк» написано в 1841 году. Это одно из последних произведений поэта, его поэтическое прощание. Перед отъездом поэта на Кавказ, писатель, знаток религиозных учений Владимир Одоевский, получивший за интерес к мистике прозвище «русского Фауста», подарил Лермонтову записную книжку с условием, чтобы тот возвратил ее обратно, но всю исписанную стихами. Одоевский сделал в ней несколько записей — напутственных евангельских цитат, апостольских посланий о мирских страстях, любви, молитве, смирении и проч.: *Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать (1 Кор 14:1)*; *Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится (1 Кор 13:8).* Эти слова не могли не побудить в поэте желание обратиться к христианским смыслам, выразить свое понимание сущности пророческого тернистого пути.

Пророк = Поэт?

«Голова пророка». М. А. Врубель

Традиционно пророками именовались личности — провозвестники Божией воли, способные сообщить Божественные послания людям. Пророк — посредник между Всевышним и людьми.

Образ пророка, поэта-пророка встречается в художественной литературе довольно часто. Во многих произведениях поэт объявлялся пророком — глашатаем истин. Одним из самых известных обращений к этому образу стало стихотворение Александра Пушкина «Пророк» 1826 года. «Глаголом жги сердца людей», — было велено герою стихотворения свыше. Дар пророчествовать — великий дар, который отличает Божьего избранника от остальных людей, возвышает его над ними. Таким избранником является Поэт с присущей ему божественной силой Слова, которое он может и должен доносить до людей. Для русской поэзии характерно восприятие поэтического вдохновения как Божьего дара. Философ Соловьев, к примеру, утверждал, что в «Пророке» Лермонтова показан «идеальный образ идеального поэта в его сущностном и высшем призвании».

«С тех пор как вечный судия / Мне дал всеведенье пророка»

Иллюстрация В.А. Полякова к «Пророку» Лермонтова

Первые строки «Пророка» Лермонтова словно продолжают финальные строки пушкинского стихотворения. Но лермонтовский герой тщетно пытается «глаголом жечь сердца людей». Пророк становится свидетелем человеческих грехов. Люди не внемлют чистому слову пророка, в котором — искра божественного. Пророк видит всю порочность людей, их злые нравы — и становится ненавистен для них, они гонят его прочь.

Пушкин говорил о приобретении пророческого и поэтического слова, о его значимости для людей. Лермонтов же пишет об отверженности. Его пророк одинок, подвергается травле. Однако, несмотря на

жестокое обращение с ним, он хранит «завет Предвечного» как великую милость.

Но громадная пропасть разделяет пророка и людей… Как, впрочем, поэта и «толпу» (ведь мысль Лермонтова вполне возможно прочесть аллегорически). Его лирический герой обречен на непонимание и одиночество. И возможно, поэт обращается к конкретным библейским образам и мотивам, чтобы подчеркнуть весь ужас собственного конфликта с окружающим человеческим миром, который он сознавал.

Лермонтову порой невероятно трудно сходиться с людьми… настолько, что иной раз легче найти «общий язык» со стихиями, с природой («Утес», «Выхожу один я на дорогу«, «Мцыри» и др.). В «Пророке» снова явлена тема гордого одиночества, — для Лермонтова одна из острейших.

Отсылки к Библии

Исаия, Иоанн, Елисей, Илия — кто же из них?

Изображает ли Лермонтов в стихотворении историю какого-то конкретного пророка? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Гонимых пророков история знала немало. Отсюда горькие слова Христа, обращённые к Израильскому народу (в образе священного для них города): *«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!» (Мф, 23:37).*

В произведении прослеживаются отсылки к историям нескольких пророков. Существует библейская история осмеяния пророка Елисея детьми — в этом есть несомненная параллель с лермонтовским текстом. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмехались над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! (4 Цар 2:23). Также, согласно Писанию, пророк Елисей не боялся высказывать властям нелицеприятные истины, вступал в конфликты. Достаточно вспомнить случай появления обличающего властей,

«наперсников разврата», стихотворения «Смерть поэта», чтобы провести аналогию судеб ветхозаветного пророка и поэта XIX века.

Елисей был учеником пророка Илии. В стихотворении Лермонтова есть мотив, схожий с библейским эпизодом из жизни этого пророка. Упоминание птиц в пространстве пустыни вызывает следующую ассоциацию: пророк Илия спасался от своих врагов в пустыне, где выжить ему помогала птица — ворон, приносивший ему пищу. Дикая песчаная обитель — знаковое место и для пророка Иоанна Предтечи, который вырос и проповедовал в пустыне: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: *«глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему “ (Мф 3:2–3).*

Изгнанный лермонтовский пророк чувствует себя спокойно только в пустыне. Она становится для него райским местом. Здесь его «слушают звезды», и здесь он живет «как птицы, даром Божьей пищи». И эти строки возвращают нас в том числе к словам Евангелия: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? (Мф 6:26).*

«В меня все ближние мои / Бросали бешено каменья»

Фразеологизм «бросить камень» обладает значением осуждения, обвинения кого-либо. У древних народов существовала кровавая мера наказания: толпа обвинителей побивала осужденного камнями. В Евангелии встречается такой эпизод: книжники и фарисеи привели к Иисусу Христу женщину, уличенную в грехе прелюбодеяния, и предлагали судить ее. Спаситель ответил на это: *кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин 8:7).* Никто не сделал этого, так как грех был присущ каждому. Выражение «бросить камень» чаще всего используется в форме вопроса: «Кто осмелится бросить в меня (в кого-либо) камень?» = «Кто осудит меня (кого-либо)?»

«Посыпал пеплом я главу…»

Пророк в стихотворении Лермонтов, «посыпав пеплом главу», бежит из города, чтобы скрыться от враждебно настроенных к нему людей. Устойчивое выражение «посыпать голову пеплом» употребляется в значении скорбеть, глубоко переживать сильное горе, пребывать в отчаянии. У народов Ближнего Востока посыпание головы пеплом, землею или пылью было обрядовым действом — выражением отчаяния, скорби. Примеры такого ритуала можно встретить в нескольких ветхозаветных книгах (Пятикнижии Моисея, Книге Есфири, Книге Иова).

В своем «Пророке» Лермонтов не только рассказал о своем понимании пророческого дара, напрямую соотнесенного с поэтическим, но и выразил в полной мере собственное трагическое мироощущение, которое он пронес через всю жизнь и которое оказало значительное влияние на всю последующую русскую литературу.

Непонятные слова

Предвечный (церк.) — эпитет Бога: безначальный, искони существующий, вечный.

Вечный Судия — Бог.

Завет — союз между Богом и человеком; наставление, совет, заповедь.

Тварь (устар.) — здесь: живое существо, то, что сотворено Богом.

Уста (поэт. устар.) — рот, губы.

Порок — 1) нравственный недостаток (например, гнев, лживость); 2) развратное поведение.

Михаил Ломоносов

19 ноября исполняется 305 лет со дня рождения ученого-энциклопедиста, видного деятеля российской науки, реформатора русской словесности Михаила Васильевича Ломоносова. Несмотря на свой интерес к научным проблемам, он не видел противоречий между интеллектуальными воззрениями и верой в Бога. Духовные темы всегда волновали его, и он выражал свою точку зрения на веру и религию в своих поэтических текстах — духовных одах.

Преложение псалма 14

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с Тобою населяет
Верьх священный горних мест?
Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит

И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душёю правых,
Держится присяжных слов.

В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берёт.
Кто так жить на свете тщится,
Тот вовеки не падёт.

Исторический контекст

«Преложение псалма 14» создано между 1743 и 1747 годами, т. е. во времена начала правления Елизаветы Петровны, дочери Петра Первого.

Двадцатилетнее правление императрицы (1741–1761) — это относительно стабильный период в истории русского XVIII века. Елизавета Петровна во многом придерживалась принципов правления своего отца, была его идейной наследницей. Однако многие элементы ее культурной и политической деятельности были новаторскими. Одной из самых главных черт ее правления стало стремление к просвещенному абсолютизму, который достигнет своей высшей степени во времена Екатерины Великой.

Вслед за Петром Елизавета начинает ориентироваться на национальные интересы Российской империи и концентрируется на укреплении российской государственности. Эпоха Елизаветы — это время синтеза того опыта, который Петр привнес из европейского уклада, с русскими традициями. Императрица отстранила от дел многих видных иностранцев и назначила на руководящие должности русских политических и культурных деятелей. При ней привлекаются на службу и получают реальную возможность возвыситься выходцы из низких сословий.

Елизавета стремится продвинуть страну в культурном плане. При ней получили дальнейшее развитие образование и наука. Главным научным центром стала Академия наук в Санкт-Петербурге, в состав которой входило большое количество русских ученых. В 1755 году по проекту Ивана Шувалова и Михаила Ломоносова был открыт Московский университет с тремя факультетами (философским, юридическим и медицинским) и университетской типографией.

Московский университет в 1820 году

Елизавета покровительствовала не только культуре и науке, но и Церкви. Положение православного духовенства и Святейшего Синода значительно укрепляется по сравнению с петровской эпохой. В годы ее правления любое отклонение от православной веры считалось преступным. Императрица строго следила за деятельностью священнослужителей, усилила кампанию по искоренению ересей.

Литературная ситуация в стране характеризовалась появлением профессиональных писателей (Тредиаковский, Кантемир, Сумароков) и их теоретических работ в области стихосложения. Ведущим направлением в русской художественной культуре и литературе второй четверти XVIII в. был классицизм *(от лат. classicus – образцовый)*. Главными признаками классицизма были абсолютизация и прославление (культ) разума, просветительский вектор произведений, ориентация на гражданскую, национальную проблематику, обращение к формам и образцам античного искусства, изображение и обличение пороков, восхваление добродетелей, иерархия литературных жанров (высокие; ода, трагедия, эпопея; средние: письма, дневники; низкие: басня, комедия, сатира).

Самой выдающейся личностью елизаветинской эпохи, ее символом, оказавшим огромное влияние на развитие русской культуры, литературы и науки XVIII и последующих веков, был Михаил Ломоносов.

Об авторе

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) — уникальное явление для русской культуры. Родившийся в крестьянской семье, он, благодаря своему поразительному стремлению к преумножению знаний, поступает в первое в России учебное заведение – Славяно-греко-латинскую академию, проходит обучение в Петербургском академическом университете, а после — в Германии. Там он пишет свою первую торжественную оду, посвященную взятию русскими войсками турецкой крепости Хотин в 1739 году. По словам критика Виссариона Белинского, это произведение ознаменовало «начало

русской литературы». Возвратившись в Петербург в 1741 году, Михаил Ломоносов посвящает себя активной деятельности в Академии наук. Несмотря на непростой характер, ему удалось получить серьезные полномочия, связанные с российской наукой, он пользовался благоволением Елизаветы Петровны.

Портрет Ломоносова Э. Фессар и К.А. Вортман, 1757. Под гравюрой стихи:

Московской здесь Парнасс изобразил витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Виргилий был,
То он один в своем понятии вместил,
Открыл натуры храм богатых словом Россов
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Несмотря на то, что Ломоносов серьезно занимался наукой и был погружен в светскую, секуляризованную среду, он никогда не противопоставлял научное знание вере, никогда не сомневался в

истинности церковного учения. Говоря о соотношении религиозных догматов о мироустройстве и научных представлений о картине мира, он писал: «…физические рассуждения о строении мира служат к прославлению Божию и вере не вредны». Религия и наука были одинаково нужными для Ломоносова.

Истоки религиозности Ломоносова — в раннем детстве. Его мать была дочерью дьякона и хотела, чтобы сын посвятил себя служению Богу. Грамоте Михаил обучался по Псалтири и Часослову, принимал участие в церковных службах. Отправляясь в Москву из родных Холмогор, будущий поэт остановился в Антониево-Сийском монастыре и некоторое время служил псаломщиком в храме. Обучаясь в Славяно-греко-латинской академии, он не только изучал богословскую литературу, но еще пребывал в должности пономаря в Заиконоспасском монастыре. На протяжении всего жизненного пути у Ломоносова периодически проявлялись колебания,касающиеся православной веры, он критиковал пагубные поступки (невежество, стяжательство, лицемерие, пьянство) и всяческие бесчинства представителей православного духовенства, забывших Божьи заповеди.

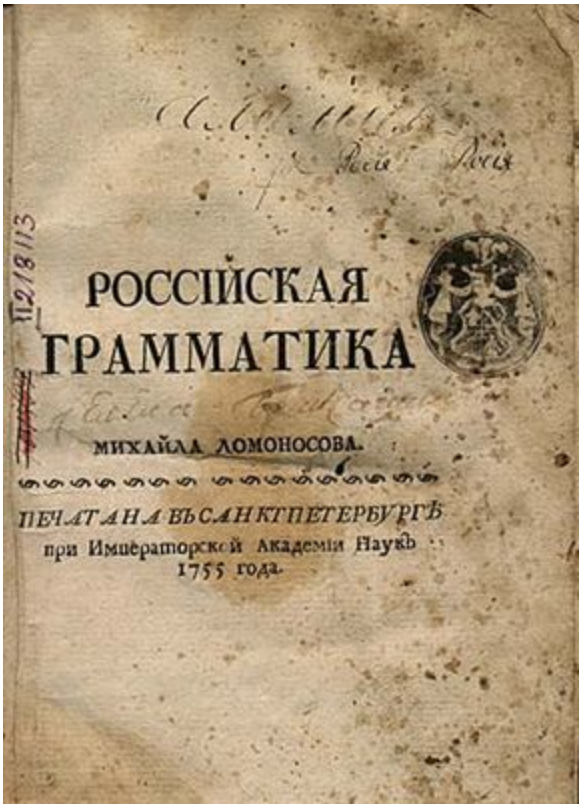
Однако Ломоносов оставался православным христианином, искренне верующим и прославляющим Бога человеком, что нашло отражение в его духовных одах.

О произведении

«Преложение псалма 14» написано между 1743 и 1747 годами и относится к популярному в XVIII в. жанру оды.

Ода *(от греч. oide — песня)* – это, как правило, многострофное, объемное стихотворение, в котором восхвалялось какое-либо значительное событие, важная персона или явление. Существовали различные виды од. Самый распространенный — торжественная ода. Чаще всего одописцы посвящали хвалебные стихотворения победам русского оружия, царствующим особам и героям своей эпохи (к примеру, ода Ломоносова на день восшествия на престол императрицы

Елизаветы Петровны). Еще один вид оды — ода античная (жанр оды восходит ко временам античности). Многие такие оды перелагались авторами последующих эпох. Замечательный тому пример — знакомое всем нам стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» (1837 год) является переложением оды «Exegi monumentum» (от лат. «Я воздвиг памятник») римского поэта Горация, который рисует в ней свой поэтический автопортрет. Эта ода, которая известна также под названием «К Мельпомене» (Мельпомена — древнегреческая муза трагедии), была не только популярна во времена самого Горация, но и являлась одной из самых востребованных в русской литературе. Многие писатели, для которых тема судьбы и предназначения поэта была одной из ключевых, переводили этот текст и создавали свои интерпретации на «Exegi monumentum». Точные переводы стихотворения римского автора создали, к примеру, Александр Востоков и Валерий Брюсов. Гораздо больше было авторов, стихотворения которых опирались на этот античный первоисточник: Державин, Фет, Бродский и другие. Свое переложение оды Горация написал и Ломоносов («Я знак бессмертия себе воздвигнул…»).

Одна из первых грамматик русского языка, составленная М. В. Ломоносовым в 1755 году

Также существовали оды духовные. Духовными одами именовались не только стихотворения на религиозные темы, но главным образом стихотворные переложения псалмов — текстов молитвенного содержания, включенных в ветхозаветную книгу Псалтирь. Для русского человека это была особенная книга, так как именно по ней обучались чтению. В годы правления Елизаветы еще не существовало перевода Священного Писания с церковнославянского языка на русский.

На Михаила Ломоносова в свое время повлияла «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого, просветителя XVII века, и через несколько лет Ломоносов сам напишет стихотворные переложения (автор их называл «преложениями») псалмов. Для него это было попыткой перевести тексты, написанные на языке богослужений, на современный язык, постигая их смысл. Ломоносов стремился не искажать подлинную сущность библейских текстов. Свои оды он сам

охарактеризовал как духовные, когда издавал свое собрание сочинений в 1751 году. Интересно, что Александр Пушкин особенно ценил именно духовные оды Ломоносова: *«Преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения».*

Все ломоносовские духовные оды написаны в период между 1743 и 1751 годами. Он облёк в поэтическую форму всего восемь псалмов — помешала активная исследовательская работа в Академии наук. Им были созданы «преложения» 1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145 псалмов.

«Преложение псалма 14», как и остальные духовные оды, предполагает диалог с Творцом (как и источники од — библейские псалмы). Ода склоняет к осмыслению собственного пути, предупреждает об опасности неправедной жизни, греха. В произведении также есть нравственный призыв — стараться жить благочестиво.

Главное в «Преложении…» — это размышление о тех, кому уготовано место рядом с Богом, кто достоин этой благостной участи. Для стихотворения характерны общие вечные темы, которыми «населена» библейская Псалтирь: справедливость, пороки и добродетели, правда и упование на ее торжество и прочие.

Отсылки к Библии

Псалом 14

1 Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей? 2 Тот, кто ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем; 3 кто не клевещет языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего; 4 тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит; кто клянется, хотя бы злому, и не изменяет; 5 кто серебра своего не отдает в рост и не принимает даров против невинного. Поступающий так не поколеблется вовек.

Ломоносов создал удивительно точное стихотворное переложение ветхозаветного псалма. В смысловом отношении ода энциклопедиста и библейский текст совпадают. Для того чтобы очутиться в божественных чертогах и пользоваться благоволением Господа, нужно обладать рядом добродетелей. Они даны в тексте в «отрицательно-зеркальном отражении»: праведный человек не делает всех перечисленных автором вещей («Кто устами льстить не знает,/ Ближним не наносит бед», «Мзды с невинных не берёт»), свойственных грешникам, следовательно, ему уготовано место рядом со Всевышним.

В последнем четверостишии есть строка «В лихву дать сребро стыдится» (в псалме: «Серебра своего не отдает в рост») означает занятие ростовщичеством, которое было запрещено законом Моисея (Исх 22:25; Лев. 25:35–36).

Строка «Мзды с невинных не берёт» (в библейском тексте: «не приннимает даров против невинного») указывает на то, что праведный человек никогда не будет брать взятки на суде, заниматься беззаконием. Страшно обвинить невинного: *«Оправдывающий нечестивого и обвиняющий праведного — оба мерзость пред Господом» (Притч 17:15).*

Памятник М.В. Ломоносову на Воробьевых горах

Ломоносов, рисуя портрет праведника, отмечает, что он «Презирает всех лукавых,/ Хвалит Вышнего рабов», т. е. не имеет ничего общего с нечестивыми, зато сближается с верующими.

Тот, кто сможет жить по Божьим заповедям, добродетельно, «не поколеблется вовек», «вовеки не падёт», и Бог всегда будет рядом с ним.

Непонятные слова

Горний (устар., высок.) — небесный, находящийся в вышине

Лукавый — исполненный коварства, хитрости

Присяжный — клятвенный, верный. Образовано от глагола присягать (устар.) — клясться; призывать торжественно и гласно Бога во свидетельство

В лихву — с избытком, слишком много
Мзда (устар.) — плата; взятка
Тщиться (устар.) — стараться, прилагать усилия

Осип Мандельштам

Осип Мандельштам ни разу не был в Константинополе и не видел храма Святой Софии. Однако ему удалось создать самое яркое описание этого собора в поэзии. 1480 лет назад в столице Византийской империи был освящен величественный Софийский собор. Прекрасная Айя-София в представлении одного из крупнейших поэтов XX века.

Айя-София

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов

Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

Исторический контекст

Стихотворение «Айя-София» написано в 1912 году. В это время Осип Мандельштам только начал свой путь в литературе. Он успел побывать за границей, где изучал европейскую философию и культуру; обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В 1911–1912 году он знакомится с молодыми поэтами Александром Блоком, Анной Ахматовой и Николаем Гумилевым. С последними Мандельштам заводит крепкую дружбу и, разделяя их взгляды на поэтическое творчество, становится участником литературного направления акмеизм, которое было создано в противовес символизму с его абстрактными и туманными стихами. Акмеисты считали, что поэзия должна быть чеканна и стройна, как

шедевр архитектуры, а поэт представлялся им одаренным зодчим, изготовителем стихов.

В 1913 году вышла первая книга Мандельштама «Камень», куда и вошло, наряду со знаменитым текстом «Notre Dame», другое «архитектурное» стихотворение — «Айя-София».

Автор

За год до написания стихотворения Осип Мандельштам, выросший в еврейской семье, принял Крещение. Чаще всего этому находят простую прагматическую причину — так можно было обойти квоту на иудеев для поступления в Петербургский университет. Однако была и другая, личная, духовная причина, о которой писал сам поэт: «Воспитанный в безрелигиозной среде (семья и школа), я издавна стремился к религии безнадежно и платонически — но все более и более сознательно».

Осип Мандельштам (1909)

Для Мандельштама также было важно креститься не только «в христианство, но и в христианскую культуру». Поэтическим отражением такого крещения стало стихотворение «Айя-София».

Произведение

Стихотворение «Айя-София» было написано в 1912 году, опубликовано в одном из самых престижных журналов Серебряного века «Аполлон» (№ 3 за 1913 год) и вошло в первый сборник стихотворений поэта «Камень» (первое издание — 1913 год).

Три заключительных стихотворения первой книги Мандельштама — «Лютеранин», «Айя-София» и «Notre-Dame» — воспринимаются биографами поэта как триптих о религиях Европы — протестантизме, православии и католичестве.

El Had

Главным героем стихотворения Мандельштама стала всемирно известная святыня — собор Святой Софии в Константинополе. Однако поэт предпочел назвать стихотворение греческим именем храма — Айя-София (Ἁγία Σοφία), т. е. Святая Премудрость Божия.

О каком древнем предании вспоминает Мандельштам?

> Айя-София — здесь остановиться
> Судил Господь народам и царям!
> Ведь купол твой, по слову очевидца,
> Как на цепи, подвешен к небесам.

В начальных строках Мандельштам напоминает предание об основании Константинополя римским императором Константином в 324 году. Император долгое время не мог выбрать место для новой столицы, но помог ему в этом особый случай. В небе над берегами Босфора парил орел со змеей в когтях. Посланники римского императора, увидев битву орла со змеей, расценили ее как божественный знак. Они проследили, где приземлился орел со своей добычей, и на месте старой греческой колонии Византий был основан город Константинополь, который в 330 году провозгласили столицей Римской империи.

В 326 году Константин построил первую в своей столице церковь — во имя Святой Софии на месте существующей сегодня Айя-Софии. Храм несколько раз подвергался разрушениям во время народных восстаний, однако новый император Юстиниан (527–565) заложил на этом же месте новый собор, строительство которого, по данным летописцев, длилось 5 лет, 10 месяцев и 10 дней и завершилось в декабре 537 года. Освящен он был 27 декабря 538 года.

Mónica Centelles

Храм показан восхищенным поэтом изнутри. Одна из самых поразительных деталей интерьера собора — это его огромный купол, который словно «подвешен к небесам». Его диаметр превышает 31 метр. Длина здания составляет 81 метр, ширина — 72 метров, высота — 55 метров. Современники не могли понять, как купол может держаться на такой высоте без видимых опор, поэтому считали, что здесь не обошлось без помощи Господа. Византийский писатель Прокопий Кесарийский, современник постройки собора, писал, что Аяй-София создана «не человеческим могуществом, но Божьим соизволением». Прокопий так описывает свое впечатление от купола: *«кажется, что он не покоится на твердом сооружении, но, вследствие легкости строения, золотым полушарием, спущенным с неба, прикрывает это место. Все это сверх всякого вероятия искусно соединенное в высоте, сочетаясь друг с другом, витает в воздухе…».*

Liu Joey

Историки архитектуры раскрывают тайну парящего купола собора: «четыре мощных столба, несущие купол, на которые опираются пяты арок, остаются почти незаметными зрителю. Они искусно замаскированы тонкими легкими перегородками», «возникает иллюзия, что купол ни на чем не держится и парит в воздухе, подвешенный к небесам».

Что похитили у языческой богини?

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила Эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Для строительства храма по приказу императора Юстиниана в Константинополь доставлялись драгоценные и полудрагоценные камни, слоновая кость, золото и серебро, порфировые, мраморные и гранитные колонны из античных храмов Греции и Рима. Из Рима были привезены колонны из красного порфира, а из храма Артемиды (Дианы) в Эфесе — колонны из зеленого мрамора, о которых и пишет Мандельштам. Колонны поддерживают галереи, которые окружают главный неф собора. Вместо иконостаса были установлены двенадцать серебряных колонн с золотыми капителями, которые служили основанием для икон.

Сколько было «щедрых строителей»?

> Но что же думал твой строитель щедрый,
> Когда, душой и помыслом высок,
> Расположил апсиды и экседры,
> Им указав на запад и восток?

Возможно, что так Мандельштам решил назвать императора Юстиниана, который все свои средства и силы вкладывал в то, чтобы построить самый роскошный собор в мире и в первую очередь превзойти царя Соломона с его Иерусалимским храмом. После того как в 537 году в соборе произошло первое богослужение, Юстиниан воскликнул: *«Слава Богу, который дал мне возможность закончить эту постройку. Я превзошел тебя, о Соломон!»*

Однако высокими «душой и помыслом» были и главные строители храма. Исторические хроники называют имена двух архитекторов из Малой Азии: Исидора из Милета и Анфимия из Тралл. Анфимия Прокопий Кесарийский даже назвал «образованнейшим человеком своего времени» — он был выдающимся математиком и ученым. Вместе с двумя мастерами работало еще сто архитекторов и около десяти тысяч рабочих, которым удалось создать гармоничную и прочную конструкцию собора.

Во время написания стихотворения храм был мусульманской мечетью.

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.

Осип Мандельштам ни разу не был в Константинополе и не видел храма Святой Софии, однако его поэтически-архитектурные описания интерьера собора поразительно точны. Интересно, что в 1912 году, когда было написано стихотворение, собор Святой Софии был не христианской святыней, а мусульманской мечетью. После завоевания Константинополя турками-османами в 1453 году, храм был превращен в мечеть и оставался ею до 1935 года. Крест с купола Софийского собора был заменен на полумесяц, а к самому зданию пристроили минареты. Однако Мандельштам в Айя-Софии видел прежде всего величественную и непоколебимую твердыню христианства. Поэт описывает «храм, купающийся в мире» — благовонном масле, которое используется при освящении только что построенного храма.

Купол храма действительно окружают сорок окон, которые Мандельштам упоминает в стихотворении. Их размер и расположение позволяют солнечному свету проникать так, что он заставляет переливаться различными цветами многочисленные мозаики храма. На парусах Айя-Софии, треугольных сферических сводах, изображены не четыре архангела, как у Мандельштама, а другие представители ангельских чинов — шестикрылые серафимы (о которых поэт пишет в заключительных строках). Четыре серафима на парусах были единственными изображениями в соборе святой Софии, которые мусульмане сочли за талисманы и не замазали штукатуркой, когда храм был превращен в мечеть.

«…мудрое сферическое зданье // Народы и века переживет», — заключает поэт, для которого Айя-София стала вечной хранительницей

христианского духа и великолепным образцом христианской культуры.

Непонятные слова

Эфесский — расположенный в Эфесе, древнем городе, где находится одно из семи чудес света — храм греческой богини охоты Артемиды (рим. Дианы) Эфесской. Византийский император Юстиниан приказал поставить колонны из этого храма в храме св. Софии.

Апсида (от греч. свод) — полукруглый, гранёный или прямоугольный выступ здания (храма), обычно перекрытый полукуполом.

Экседра (от греч. сиденье за дверями) — полукруглая ниша с расположенными вдоль стены сиденьями для собраний и бесед. Была распространена в античные времена. Экседры часто служили для укрепления тяжелого купола.

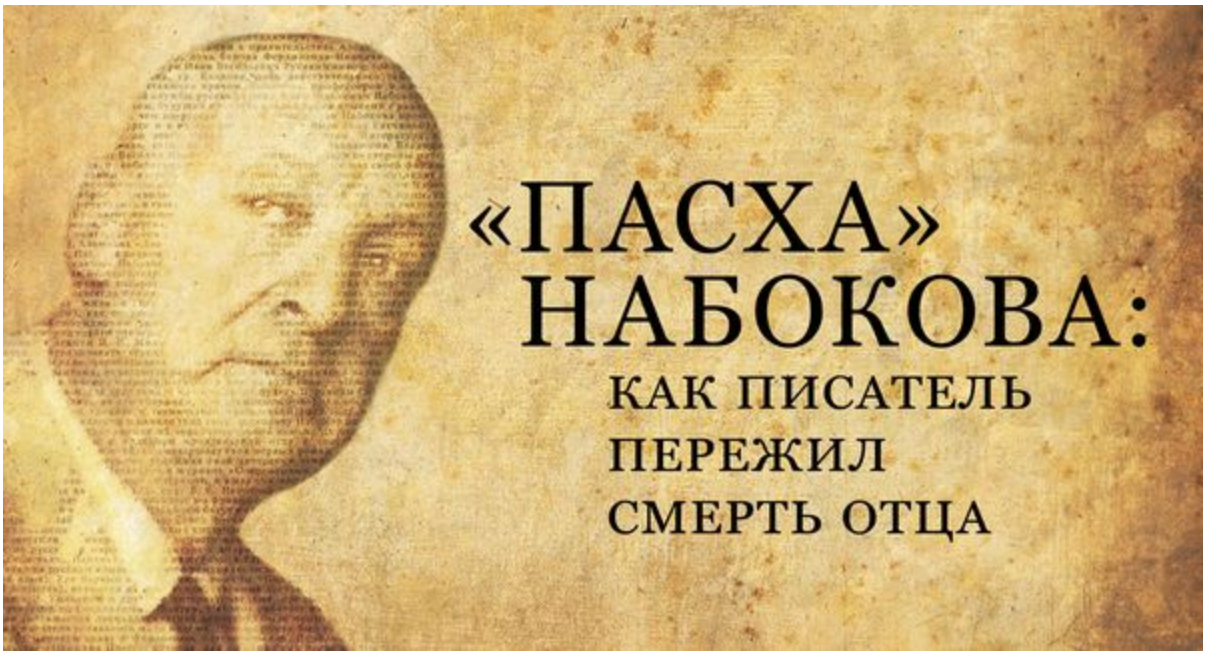
Архангел — ангел, относящийся к одному из высших ангельских чинов

Серафим — высший ангельский чин, наиболее приближенный к Богу.

Паруса — треугольные сферические своды, напоминающие надутые паруса; на эти своды опирается кольцо купола; впервые этот способ крепления купола был применен при строительстве храма св. Софии.

Для подготовки использованы материалы О. Лекманова, М. Аграновской, М. Лотмана и Н. Дмитриевой

Владимир Набоков

В начале этого стихотворения стоит слово «смерть». И за этим словом — не отвлеченные размышления всемирно известного писателя о трагичности мира. За ним — личная катастрофа, которую пережил молодой человек, неожиданно потерявший любимого человека. Боль, которую он испытал, годы, десятки лет будет отзываться во всем, что он напишет. Но есть то, что сильнее этой боли. Стихотворение начинается «смертью». Но заканчивается совсем иными словами.

Пасха

На смерть отца

Я вижу облако сияющее, крышу
блестящую вдали, как зеркало… Я слышу,
как дышит тень и каплет свет…
Так как же нет тебя? Ты умер, а сегодня

сияет влажный мир, грядет весна Господня,
растет, зовет… Тебя же нет.

Но если все ручьи о чуде вновь запели,
но если перезвон и золото капели —
не ослепительная ложь,
а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни»,
великое «цвети», — тогда ты в этой песне,
ты в этом блеске, ты живешь!..
1922 г.

Исторический контекст

В 1917 году прогремели две катастрофические революции. Во время второй интеллигентная и очень обеспеченная семья Владимира Набокова потерпела серьезные лишения. Необходимо было искать выход из революционного вихря. Сначала Набоковы перебрались из родного Петрограда в Крым, где постоянно менялась власть и спокойно жить было практически невозможно. В 1919 году им чудом удалось вырваться за границу: сначала в Англию, потом — в Германию.

Семья Набоковых (1908). Владимир — на коленях у двоюродной бабушки. Отец писателя — в центре

В 1922 году в Берлине отцу писателя вместе с поэтом Владимиром Гиппиусом удалось основать эмигрантскую ежедневную газету «Руль», где Набоков-младший часто печатал небольшие рассказы и пьесы, шахматные задачи, крестословицы (кроссворды) и шарады.

В мемуарах «Другие берега» он вспоминал: *«Сначала эмигрантских гонораров не могло хватать на жизнь. Я усердно давал уроки английского и французского, а также и тенниса. Много переводил — начиная с “Алисы в стране чудес” (за русскую версию которой получил пять долларов) и кончая всем чем угодно, вплоть до коммерческих описаний каких-то кранов».*

Но главным его делом уже стала литература.

Автор

В 1922 году двадцатилетний Владимир Набоков (1899—1977) — молодой и подающий надежды поэт, который до эмиграции его семьи в Европу уже издал на свои средства первый сборник стихотворений («Стихи», 1916 год).

Владимир Набоков. Портрет 1920-е годы

Он пока еще не уехал в Соединенные Штаты, не перешел на английский язык и не стал всемирно известным писателем-романистом. Свой первый роман «Машенька» Набоков напишет только через 4 года, а до знаменитых «Защиты Лужина» и «Приглашения на казнь» — произведений, которые сам писатель считал лучшими своими текстами, — еще очень далеко.

Произведение

В стихотворении Набоков обращается к своему погибшему отцу. Владимир Дмитриевич Набоков, выдающийся юрист, журналист и знаток Диккенса, до революции стал одним из лидеров кадетов — партии, стоявшей за либерализацию законов и равенство всех граждан. Набоков-старший боролся с антисемитизмом и ратовал за отмену смертной казни. И в эмиграции он не переставал чувствовать свою ответственность за будущее России, продолжал активно заниматься общественной и политической деятельностью.

Владимир Набоков с отцом. 1908 год

Стихотворение «Пасха» («Я вижу облако сияющее, крышу…») написано 16 апреля 1922 года, в день Воскресения Христова. Не прошло еще и трех недель с момента трагедии, случившейся с отцом Набокова на одном из эмигрантских собраний в Берлине. Вот как рассказывает о том роковом дне биограф Набокова Брайан Бойд:

«Вечером 28 марта Милюков (общественный деятель, теоретик и лидер партии кадетов. — Прим. ред.) выступал в филармонии с лекцией «Америка и восстановление России». Краснолицый, обрюзгший экс-министр иностранных дел собрал полный зал — послушать его пришло около полутора тысяч человек. Как только в 10 часов вечера Милюков закончил первую часть лекции, из публики выбежал какой-то маленький человек в темном пиджаке и несколько раз выстрелил ему вслед с криком: «За царскую семью и за Россию!» Кто-то сбил Милюкова с ног. Прежде чем публика успела опомниться и устремиться к выходу, Владимир Дмитриевич (отец Набокова. — Прим. ред.) вскочил с места и схватил стрелявшего за руку, пытаясь его обезоружить. Вместе с подоспевшим Каминкой Владимир Дмитриевич повалил стрелявшего и прижал его к полу. В следующий миг, когда Каминка бросился к Милюкову, на сцену выскочил второй террорист, высокий молодой лысоватый мужчина, и три раза выстрелил в В. Д. Набокова, чтобы освободить сообщника. Две пули попали в позвоночник, третья прошла через левое легкое и сердце. Смерть наступила мгновенно».

РУЛЬ

1.50

RUL, russische demokratische Tageszeitung

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

№ 417-8 | Четвергъ, 30 (17) марта 1922 г. | 2-й г. изд.

Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ

трагически погибъ 28-го марта 1922 года

Памяти друга.

В. Д. Набоковъ.

Номер газеты «Руль», где сообщается о трагической кончине В. Д. Набокова

«Пасха» — это духовное обращение автора к самому близкому, родному, но уже мертвому человеку в день Христова Воскресения. В строках стихотворения смешаны одновременно и чувство скорби, и возможность преодоления смерти, и вера в присутствие ушедшего в иной мир человека во всем, что окружает в день Воскресения Господнего. Автор обращается к тому, кого любит больше всего, и обращение это становится для Набокова настоящим, физически ощущаемым (а не просто воображаемым!) общением с умершим и в то же время живым человеком.

Чувство любви Набокова к отцу всегда оставалось таким сильным, что даже через сорок с лишним лет после его убийства оно все еще поглощало его целиком. В автобиографической книге «Память, говори» он прерывает небольшой пассаж об отцовских рукописях и признается: «Я трачу сейчас два часа на то, чтобы описать двухминутный бег его безупречного почерка».

Воспоминания об отце и его образ прочно закрепятся в творчестве писателя. Например, в романе «Дар» черты Набокова-старшего проявятся в образе исчезнувшего ученого — отца главного героя.

ТАК ОПИСЫВАЕТ НАБОКОВ ВСТРЕЧУ ГЕРОЯ С ОТЦОМ: «ЗАСТОНАВ, ВСХЛИПНУВ, ФЕДОР ШАГНУЛ К НЕМУ, И В СБОРНОМ ОЩУЩЕНИИ ШЕРСТЯНОЙ КУРТКИ, БОЛЬШИХ ЛАДОНЕЙ, НЕЖНЫХ УКОЛОВ ПОДСТРИЖЕННЫХ УСОВ НАРОСЛО БЛАЖЕННО-СЧАСТЛИВОЕ, ЖИВОЕ, НЕ ПЕРЕСТАЮЩЕЕ РАСТИ, ОГРОМНОЕ, КАК РАЙ, ТЕПЛО, В КОТОРОМ ЕГО ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ РАСТАЯЛО И РАСТВОРИЛОСЬ»

.

Уже через год после смерти отца, в 1923 году, Набоков пишет ещё одно посвященное ему стихотворение «Гекзаметры» («Смерть — это утренний луч, пробужденье весеннее. Верю…»). Это стихотворение —

о проницаемости границы между миром живых и миром мертвых — продолжает тему смерти и воскресения, затронутую в «Пасхе». Смерть здесь именуется «пробуждением», «утренним лучом», живых же автор называет «до срока спящими». Таким образом, Христово Воскресение и в «Пасхе» (1922), и в «Гекзаметрах» (1923) становится днем духовной незримой встречи сына с погибшим отцом, возможностью преодолеть границу между жизнью и смертью, земным и небесным.

Набоков и смерть

В своем творчестве Набоков часто задумывается о смерти: что же будет после земной жизни? Можно ли победить пространство и время? Возможно ли преодолеть смерть? И ключевое понятие в поиске ответов на эти вопросы для Набокова — любовь. Есть любовь эгоистичная, делающая человека заложником собственной страсти, сводящая его с ума и ведущая к трагедии — и многие герои Набокова становятся жертвами этого присваивающего, «жадного» чувства. Но есть любовь, которая силой своего самоотречения разбивает кокон эгоистичного человеческого «я», разбивает границы, которые отделяют живых от мертвых, далекое прошлое от дня сегодняшнего, бренность от вечности.

«Я ДОЛЖЕН ПРОДЕЛАТЬ МОЛНИЕНОСНЫЙ ИНВЕНТАРЬ МИРА, СДЕЛАТЬ ВСЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ СОУЧАСТНИКАМИ В МОЕМ СМЕРТНОМ ЧУВСТВЕ ЛЮБВИ, ДАБЫ, КАК БОЛЬ, СМЕРТНОСТЬ УНЯТЬ И ПОМОЧЬ СЕБЕ В БОРЬБЕ С ГЛУПОСТЬЮ И УЖАСОМ ЭТОГО УНИЗИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, В КОТОРОМ Я, ЧЕЛОВЕК, МОГ РАЗВИТЬ В СЕБЕ БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЧУВСТВА И МЫСЛИ ПРИ КОНЕЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ», — ГОВОРИЛ ПИСАТЕЛЬ.

Герои набоковских произведений нередко находятся в реальном и ином мирах одновременно, так как дверь между ними «закрыта

неплотно».

Смерть у Набокова — это и «безжалостное разъятие», и «момент перехода из одного бытия в другое», начало метаморфозы, способной «выпустить» человека «в вечность», метаморфозы, «ради которой, может, вся предыдущая жизнь была подготовлением».

Набоков и Пасха

Из всех религиозных праздников Пасха чаще всего фигурирует в произведениях Набокова. Пасхальные образы и мотивы можно встретить более чем в двадцати набоковских текстах: «Херувимы», «Ангелы», «Молитва» (1924), Стихи Федора Годунова-Чердынцева из романа «Дар», 3-я глава «Защиты Лужина», 2-я и 3-я главы «Дара», «Пнин», «Король, дама, валет», «Бледный огонь», «Отчаяние», «Обида», эссе «Что всякий должен знать?», рассказ «Пасхальный дождь» и др.

Самым первым «пасхальным» текстом было стихотворение с таким же названием «Пасха» (1916 год), где пробуждение природы и праздничная радость соотносятся с первым любовным чувством героя.

В романе «Дар» печатание книги главного героя о Чернышевском приурочивается именно к этому празднику, а в романе «Пнин» пасхальное настроение отсылает к воспоминаниям детства. В «Защите Лужина» подробно описана всенощная служба. Пасхальная тема часто сопрягается с важной для писателя-эмигранта темой разлуки с Родиной и памяти о ней. Это ностальгическое время, воскрешение в памяти важных для писателя событий его прошлого.

Во что верил Набоков

Отношение писателя к вере и религии всегда было непростым. В семье писателя, как говорят его биографы, религия не играла

первостепенную роль, однако крещен Набоков был в православии, живя в дореволюционном Петербурге, обучался Закону Божьему, постился, ходил в церковь и читал отцовское Евангелие на французском, где Набоков-старший отмечал все тексты, которые читаются перед Пасхой. Даже проживая в Германии в двадцатых годах, он, по воспоминаниям современников, посещал русскую церковь святого Владимира на Находштрассе.

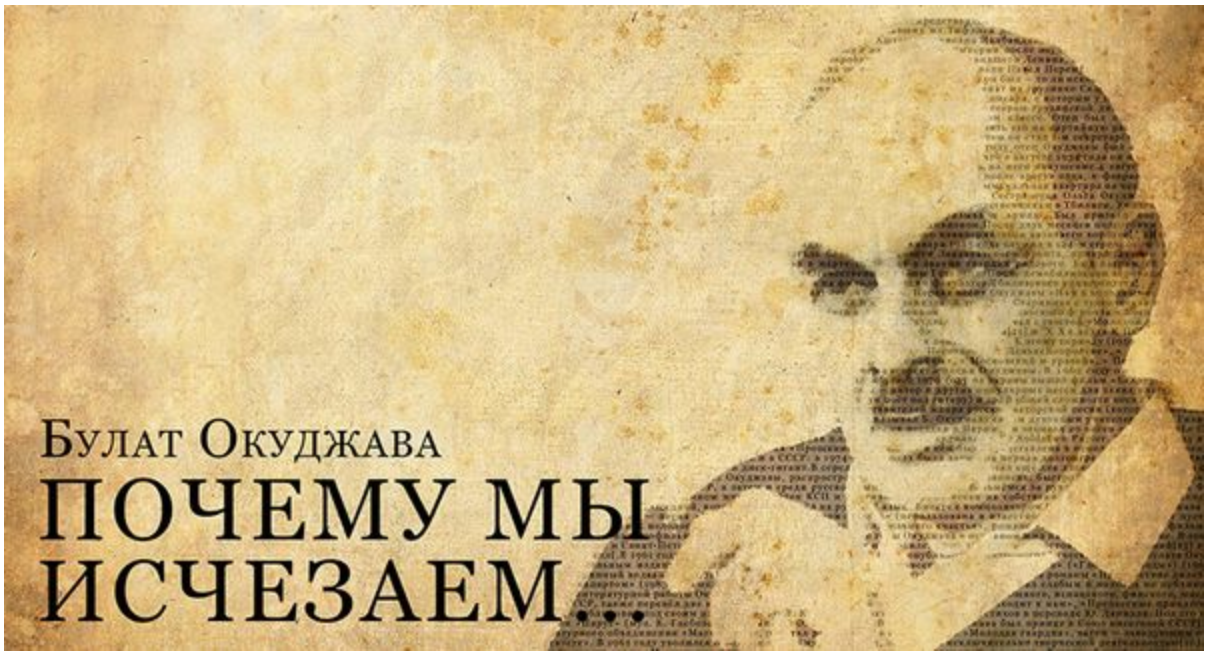
Однако на конкретные вопросы о своей вере писатель никогда не давал однозначных ответов. Так, в одном из интервью на вопрос: «Вы верите в Бога?» Набоков ответил уклончиво: «Буду совершенно искренним — я собираюсь сказать сейчас нечто, чего никогда прежде не говорил, и, надеюсь, это вызовет легкий приветственный трепет, — я знаю больше, чем могу выразить словами, и то немногое, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я больше».

Но в своем поэтическом творчестве Набоков был прямолинеен — у него много искренних стихотворений о вере и Боге, и случайным это назвать нельзя.

История русской религиозной поэзии XX века без Набокова немыслима. Через много лет, уже в XXI веке, выдающийся актер Владимир Зельдин сказал, что «в своих религиозных стихах именно Владимир Набоков лучше всех нарисовал портрет его поколения, которое прошло сложнейший путь от безверия к вере».

При составлении текста статьи использованы материалы О. Сконечной, Б. Бойда, З. Шаховской, С. Федякина, О. Федотова, Л. Калюжной, Ю. Иваска, И. Золотусского, А. Аппеля, А. Злочевской, М. Шульмана.

Булат Окуджава

Он написал более 800 стихотворений, многие из них стали известными песнями. Он — всемирно известный бард, который сам не любил этого определения: «Для меня прежде всего важен Поэт». Теме ценности человеческой жизни и присутствии в ней Бога посвящено одно из самых сокровенных его стихотворений «Почему мы исчезаем…».

Почему мы исчезаем…

Почему мы исчезаем…
Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозем, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым, —
нытики и остряки?

Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?
Потому что притязаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.

Вот она в руках как будто,
можно, кажется, потрогать,
свет ее слепит глаза…
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса.

Это так несправедливо,
горько и невероятно —
невозможно осознать:
был счастливым, жил красиво,
но уже нельзя обратно,
чтоб по-умному начать.

Может быть, идущий следом,
зная обо всем об этом,
изберет надежный путь?
Может, новая когорта
из людей иного сорта
изловчится как-нибудь?

Все чревато повтореньем.
Он, объятый вдохновеньем,
зорко с облака следит.

И грядущим поколеньям,
обожженным нетерпеньем,
тоже это предстоит.

Исторический контекст

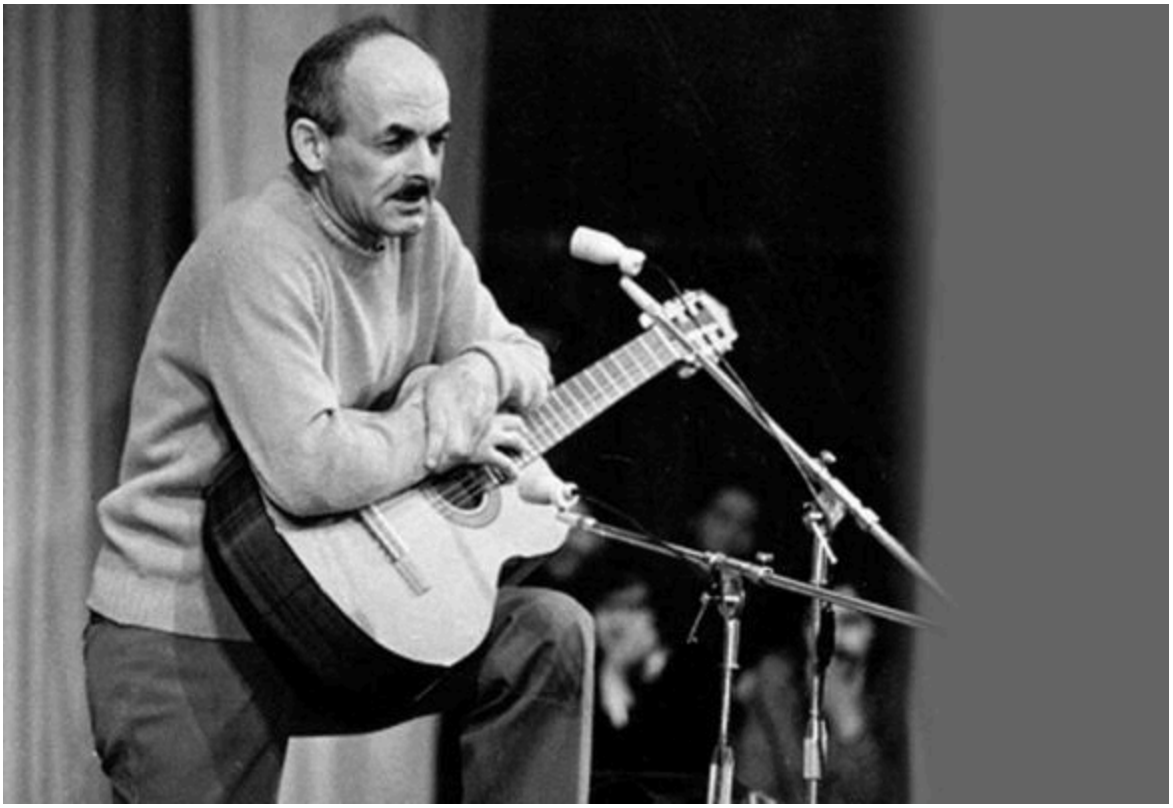
Стихотворение «Почему мы исчезаем…» было написано в 1986 году. Это было время перехода от долгого периода в истории СССР — эпохи застоя — к так называемой «перестройке». Кардинальные изменения в идеологической, политической и культурной жизни общества, которые начались уже в 1985 году, находили отражение в литературном процессе

Утверждается свобода слова, гласность, совсем скоро из тени выйдет «возвращенная литература» — произведения Бунина, Шмелева, Ходасевича, Гумилёва, Тэффи, различные критические работы, статьи и мемуары, находившиеся под запретом в СССР до перестройки.

В это переходное время продолжают творить авторы, заявившие о себе еще во времена «оттепели», в 1960-е годы: Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Вадим Шефнер, Новелла Матвеева и другие. Среди них был известный представитель жанра авторской песни, поэт Булат Окуджава.

Автор

Булат Окуджава (1924–1997) родился в семье партийных работников в Москве, где и прожил большую часть жизни. В 1937 году, в период репрессий, его отца расстреляли, а мать сослали в исправительно-трудовой лагерь. Эти обстоятельства сильно повлияли на характер и последующее творчество Окуджавы, который еще в детстве начал писать стихи. За его воспитание взялась бабушка, а вскоре мальчик уехал к родственникам в Грузию.

Булат Окуджава на сцене

В 1942 году он ушел добровольцем на фронт, где служил минометчиком и радистом и был тяжело ранен. Отношение Окуджавы к войне было противоречивым. С одной стороны он прекрасно осознавал значение победы над нацизмом, о чем, к примеру, свидетельствует его всенародно известная песня со словами «Нас ждет огонь смертельный / И все ж бессилен он». Одновременно с этим Окуджава ненавидел войну, считал ее противоестественным явлением, которое лишает человека самого главного — права на жизнь, и это тоже отражалось в его творчестве. Тема ценности человеческой жизни навсегда станет определяющей в стихах поэта.

Почтовая марка

В 1945 году Окуджава поступил на филологический факультет Тбилисского университета, после окончания которого работал учителем. В это время он активно пишет стихи и сотрудничает с некоторыми газетами. С начала 1950-х годов стихи Окуджавы стали регулярно печатать, но настоящий успех пришел к нему в середине 50-х годов, когда он положил свои стихотворения на музыку и стал исполнять их под гитару. В своих текстах он обращался к повседневным, камерным темам, которые волновали всех.

Начинают выпускаться сборники стихов Окуджавы, он пишет киносценарии, его песни звучат в кино и на радио, магнитофонные записи расходятся тысячными экземплярами, выходят виниловые пластинки поэта, первая из которых — во Франции в 1968 году.

«Бард» — это не про него

Окуджаву называют одним из первых российских бардов наряду с Александром Галичем и Владимиром Высоцким. При этом все они давали своему творчеству совершенно иное жанровое определение. Окуджава постоянно поправлял: «Не барды, не менестрели, а поющие поэты». На своем первом публичном вечере Окуджава даже попросил, чтобы его представили публике именно как поэта: «Только не говорите, что это песни. Это стихи».

Отношение к авторской песне у него было сложное. В 1988 году, когда поэт стал говорить, что жанр авторской песни изжил себя, он признался: «Я не знаю, что такое — бард. Для меня все равно в первую очередь существуют стихи (…) Хотя меня и называют бардом, певцом, исполнителем — все это проходит мимо, все это очень условно (…). Повторю, для меня существует Поэт, читающий свои стихи и напевающий их…»

«Всю жизнь стихами атеиста / Тебе он, Господи, служил!»

На протяжении всего жизненного пути Окуджава не раз характеризовал свое мировоззрение как атеистически скептическое. Особенно это было заметно в раннем творчестве: «Не верю в Бога и в судьбу». Но наряду с этим поэт задавался вопросом «Пусть Бога нет, но что же значит Бог?».

Окуджава не был настроен богоборчески и подчеркивал: «Я уважаю веру других людей и хочу, чтобы они также уважали мои убеждения». Однако христианские мотивы в его поэзии присутствовали постоянно.

Вот комната эта — храни ее Бог —
Мой дом, мою крепость и волю.
Четыре стены, потолок и порог,
И тень моя с хлебом и солью.

И в комнате этой ночною порой
Я к жизни иной прикасаюсь.
Но в комнате этой, отнюдь не герой,
Я плачу, молюсь и спасаюсь.

Весь его долгий жизненный путь — это постоянный духовный поиск, путь к вере.

«Всю жизнь стихами атеиста / Тебе он, Господи, служил!», — так противоречиво высказался поэт Андрей Вознесенский о Булате Окуджаве.

В последние годы жизни Окуджава совершал попытки воцерковиться. Окрестили его с именем Иоанн перед самой смертью по благословению архимандрита Иоанна Крестьянкина. Отпевали поэта в московском храме святых бессребреников Космы и Дамиана в Столешниковом переулке.

Священник Георгий Чистяков, который отпевал Окуджаву, отмечал: «Почти во всех без исключения его стихах ощущается присутствие Божие, невидимое, но реальное. Поэт, хотя сам он, своей головой, своим интеллектом не верил, вернее, не хотел верить в Бога, — именно как поэт он блестяще почувствовал Его присутствие».

В лирике Окуджавы постоянно встречаются библейские образы и религиозные мотивы, которые на протяжении творческого пути меняли свой смысловой вектор. Воцерковлению поэта предшествовал переломный период, в который Окуджава написал одно из стихотворений, где рассуждает о самых волнующих его темах — о вере и человеческой жизни. Это стихотворение «Почему мы исчезаем…».

Произведение

Стихотворение «Почему мы исчезаем…» было написано в 1986 году, когда Булату Окуджаве было уже 62 года. Впервые текст был опубликован в журнале «Юность» вместе с другими девятью

лирическими произведениями, которые составили целостный цикл. Стихотворение стало важным этапом осмысления поэтом темы существования Бога и Его присутствия в жизни людей.

«Почему мы исчезаем…» — это поэтический отклик Булата Окуджавы на одну из ветхозаветных книг — книгу Екклесиаста. В стихотворении поэт размышляет о своем жизненном пути. Он осознает неизбежный исход всего, конечность жизни. Трагический тон стихотворения, заданный уже в первых строках, соответствует тому настроению, с каким автор книги Екклесиаста, которым в христианском предании является царь Соломон, рассказывает о том, что ничто не вечно в этом мире — все «суета сует».

Как Екклесиаст пытался изведать все премудрости мира, так и герой стихотворения Окуджавы с высоты собственного опыта говорит о том, что все стремятся изведать и открыть истину. Екклесиаст описывает картину вечного круговорота вселенной и говорит, что накопление богатства, наслаждения и почести, — все это уже было. *Возвратится прах в землю, чем он и был (Еккл 12:7),* — «в дым и пепел, в глинозем, в солончаки».

Екклесиаст утверждает: *Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем (Еккл 1:9)*, *Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки (Еккл 1:4)*. Об этом вечном повторении рассуждает герой стихотворения: «И грядущим поколеньям… тоже это предстоит».

Французская виниловая пластинка с песнями Окуджавы (1972)

Время рождаться и время умирать (Еккл 3:2); эта ветхозаветная цитата — один из главных мотивов стихотворения Окуджавы. Герой стихотворения постиг библейскую истину о том, что непреходящим, вечным, зорким, всеведущим является только Бог. Здесь Окуджава не отрицает Его, а принимает, пусть пока и в духе ветхозаветного мудреца. Со стихотворения «Почему мы исчезаем» началось серьезное осознание поэтом Окуджавой подлинного присутствия Бога в человеческой жизни.

Трудные слова

Глинозём — твердая глинистая почва.

Солончаки — почвы степных, пустынных и полупустынных зон, содержащие соли.

Притязать — предъявлять свои права на что-либо, претендовать.
Когорта — здесь: группа людей.

Александр Пушкин

10 февраля — память великого православного святого преподобного Ефрема Сирина. И — день смерти Александра Пушкина. Чувствуя приближение кончины, Пушкин признался: «Хочу умереть христианином». Вера каждого человека — тайна его души. Но поэт не может не сказать о ней в своих стихах. За полгода до смерти Пушкин написал стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны…». И это было именно переложение покаянной молитвы преподобного Ефрема! Такие вот параллели… Вспоминаем и анализируем главную поэтическую молитву Пушкина.

«Отцы-пустынники…»

Отцы пустынники и жены непорочны…
Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв

Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Исторический контекст

Лето 1836 года стало последним в жизни Александра Пушкина. Он провел его на даче на Каменном острове под Петербургом. Именно здесь он создал свой последний лирический цикл — «каменноостровский». Поэт не успел опубликовать свои новые стихотворения: они вышли посмертно.

Незадолго до этого, весной, после продолжительной болезни, скончалась мать поэта. Ее последние дни пришлись на заключительную неделю Великого поста, а умерла Надежда Осиповна в день Христова Воскресения, 29 марта. Во время болезни матери поэт сблизился с ней и очень тяжело переживал ее кончину. Пушкин сопровождал ее гроб в родовое имение Пушкиных — Михайловское. Это было последнее посещение поэтом знакового для его творческой биографии места.

В это же время не слишком удачно складывается судьба журнала «Современник», основанного Пушкиным.

На этом фоне Пушкин пишет несколько стихотворений. Три из шести произведений «каменноостровского цикла» написаны на евангельские события. Один из текстов сам поэт назвал «молитвой». Это стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны…».

Автор

Русский мыслитель Семен Франк отмечал, что к своей поэтической деятельности Пушкин (1799–1837) относился с подлинно религиозным чувством. В его стихах явственно проступает «религиозное восприятие самой поэзии и сущности поэтического вдохновения».

Г. Гиппиус. «Портрет Пушкина». 1828 г. Литография

Пушкин хорошо знал Священное Писание. Несмотря на то, что в его время еще не существовало полного перевода Библии на русский язык, поэт читал ее на французском языке и использовал библейские

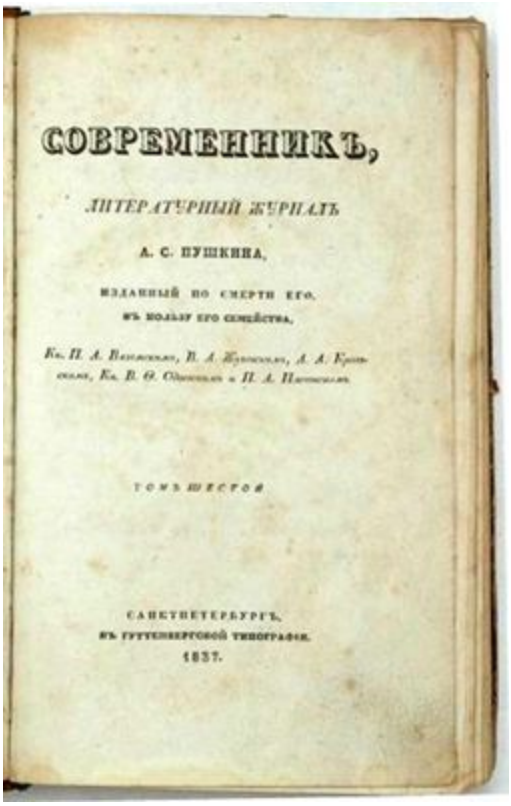
сюжеты, мотивы и цитаты как в своем творчестве, так и в личной переписке. С самого детства писатель был знаком с православными традициями, посещал церковные службы, а также был внимательным читателем православной богословской литературы.

Несмотря на то, что поэт называл христианство «величайшим духовным переворотом нашей планеты», он пережил кризис и поиски веры. Но после ранения, полученного на дуэли, он исповедался и причастился. «Хочу умереть христианином…» — сказал Пушкин перед смертью, запретив друзьям мстить за себя.

О произведении

Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны…» имеет точную дату: 22 июля 1836 года. Оно переложение известной православной молитвы Ефрема Сирина, читаемой в дни Великого поста. Что же заставило Пушкина в июле 1836 года обратиться к великопостной молитве? Главной причиной биографы и литературоведы считают воспоминание поэта о смерти матери в Пасхальное воскресенье 29 марта 1836 года. В тот год 21 июня, день рождения Надежды Осиповны Пушкиной, впервые отмечался как день ее поминовения, и это могло воскресить в памяти ее сына скорбные события. В одном из писем поэта лицейскому товарищу Михаилу Яковлеву от 9 июля Пушкин говорит, что он и его родственники продолжают носить траур.

Стихотворение было опубликовано в первом томе журнала «Современник» за 1837 год уже после смерти Пушкина. Сам поэт в черновике 1836 года дал этому стихотворению заголовок «Молитва». Публикацию сопровождало факсимиле рукописного текста и прилагаемого к нему рисунка самого поэта, изображающего старца в келье. Журнал готовили к печати друзья Пушкина, которые учли при публикации пожелание императора Николая I: *«Государь желает, чтобы эта молитва была там факсимилирована как есть и с рисунком. Это хорошо будет в 1-й книге «Современника».*

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО,
ВЪ ПОЛЬЗУ ЕГО СЕМЕЙСТВА,

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Крылосовымъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

Обложка журнала «Современник»

«Отцы пустынники и жены непорочны…» — одно из стихотворений «каменноостровского цикла» Пушкина, которое сам поэт пометил римской цифрой II. Остальные стихотворения этого цикла: «Подражание италиянскому» (III), «Мирская власть» (IV) и «Из Пиндемонти» (VI) (Стихотворения I и V неизвестны). Сюжеты стихотворений основаны на заключительных главах Евангелий, повествующих о предательстве Иуды Искариота, жертвенной смерти Христа и Его крестных муках.Известный литературовед Вадим Старк высказывает версию о том, что стихотворения цикла написаны *«в соответствии с последовательностью событий Страстной недели и их ежегодного поминовения: среда — молитва Ефрема Сирина (в этот день она читается последний раз за Великий пост — ред.), четверг — возмездие Иуде за предательство, свершенное в ночь со среды на четверг, пятница — день смерти Христа, когда в церкви установленный накануне крест сменяет плащаница».*

Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны…» делится на две части. Само переложение молитвы составляет вторую часть. Первая — это своеобразное — вступление, в котором автор выражает свое отношение к молитвенному тексту и одновременно подготавливает своего читателя к восприятию молитвенного стиха.

В **первой части** автор рассуждает не только о той молитве, которую считает исключительной, но и о достоинствах других молитв. По словам князя Петра Вяземского, Пушкин «в последние годы жизни своей был проникнут красотою многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их».

Здесь же объясняется причина обращения к тексту конкретной молитвы, которая «умиляет» и «падшего крепит неведомою силой».

Вторая часть стихотворения — это поэтическое переложение конкретной молитвы. Герой стихотворения просит оградить его душу от праздности, любоначалия и празднословия. Пушкин пересказывает молитвенные строки в соответствии со своими переживаниями, практически не отступая от канонического текста Ефрема Сирина.

Религиозные мотивы

Ефрем Сирин и отцы-пустынники

Стихотворение Александра Пушкина построено на великопостной покаянной молитве преподобного Ефрема Сирина (306—373), христианского богослова и поэта IV века, толкователя Священного Писания, знаменитого учитель покаяния. Приведем целиком текст этой молитвы:

> Господи и Владыко живота моего,
> дух праздности, уныния, любоначалия
> и празднословия не даждь ми,

Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любве, даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения
и не осуждати брата моего,
яко благословен еси во веки веков, аминь.

Эта молитва читается во все дни Великого поста, начиная с подготовительной недели Масленицы и до среды Страстной недели (за исключением субботы и воскресенья).

Так как речь идет о молитве преподобного Ефрема, справедливо будет заключить, что «отцами пустынниками» поэт именует отшельников, живших в эпоху расцвета монашества (IV-VI вв.), которые были современниками знаменитого сирийского монаха.

Интересно, что первоначально в тексте Пушкина вместо слов «отцы пустынники» стояло сочетание «святые мудрецы». Так поэт конкретизировал свой выбор: из многих «мудрецов» он останавливает внимание на пустынниках, отшельниках, к числу которых принадлежал и преподобный Ефрем. Все комментаторы пушкинского стихотворения утверждают, что подобное исправление и вся работа над первой частью стихотворения одновременно свидетельствуют о стремлении Пушкина выразить особенное отношение к молитве Ефрема Сирина и о желании передать свое душевное состояние готовности к покаянию.

Черновик стихотворения и рисунок Пушкина

Сохранился пушкинский рисунок к своему стихотворению, где монах-отшельник изображен за зарешеченным окном. По мнению исследователей, композиция рисунка отсылает к биографии самого Ефрема Сирина — создателя молитвы. Однажды его обвинили в краже и посадили в темницу. Здесь он услышал голос, который призывал его к покаянию и исправлению своих жизненных ошибок. Когда Ефрема оправдали и освободили, он удалился в пустыню, где вел подвижническую жизнь.

Кто такие «жены непорочны» в стихотворении Пушкина?

С этим образом чистоты духа тесно связана дата написания стихотворения (22 июля). Это день ежегодной памяти жены-

мироносицы Марии Магдалины. С этим христианским праздником вполне могло быть связано употребление в поэтическом тексте «жен непорочных». Также 22 июля в доме Пушкиных было домашним праздником: это были именины Марии Алексеевны Ганнибал — покойной бабушки писателя, а с 1832 года стали отмечать именины старшей дочери поэта — Марии.

Что такое «области заочны» и как туда попасть?

Во второй строке стихотворения («Чтоб сердцем возлетать во области заочны») автор акцентирует внимание на роли сердца в молитвенной жизни. Именно оно, непорочное и чистое, может «возлетать» к Господу в «области заочны» — невидимые для простого взора. В заповедях блаженства сказано, что только чистые сердцем Бога узрят (Мф 5:8). Чистая, сердечная молитва — это вершина духовной жизни. Комментируя текст Пушкина, литературовед Валерий Лепахин отмечал: «Первая цель молитвы — укреплять сердце в борьбе против «дольних», то есть земных, искушений («Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв»)».

Как выглядит «змея любоначалия»

В строках стихотворения Пушкина возникает образ «любоначалия, змеи сокрытой сей», который отсутствует в оригинальной молитве. Грех любоначалия — это желание властвовать над людьми. Стремление к людей к власти Пушкин всегда считал пагубным: «Чины сделались страстию русского народа», — писал поэт,.

В заключительных строках поэт говорит о добродетелях — духе смирения, терпения, любви и целомудрия, которые просит Господа оживить в его сердце. Именно эти добродетели молящиеся просят даровать им, читая молитву Ефрема Сирина во время Великого поста.

Непонятные слова

Непорочный — 1) девственный; 2) нравственно чистый, безгрешный

Возлетать (устар.) = взлетать

Заочный — незримый, невидимый

Дольний — земной

Любоначалие (устар.) — любовь к власти, стремление к ней; властолюбие

Сей (устар.) — этот

Празднословие (книжн.) — пустые, праздные слова, разговоры

Прегрешение (устар.) — проступок, грех

Константин Симонов

Это стихотворение известно всем. Вряд ли в советской поэзии было другое произведение, которое получило бы такой массовый отклик. В годы Великой Отечественной войны это стихотворение вырезали из газет, переписывали, заучивали наизусть, носили с собой и делились с другими.

Жди меня

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души…
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Исторический контекст

В годы Великой Отечественной войны литературные произведения публиковались фронтовой и центральной печатью, стихотворения звучали по радио одновременно с сообщениями о текущих военных и политических событиях, читались со импровизированных сцен. Полюбившиеся стихи переписывали во фронтовые блокноты и заучивались наизусть.

Константин Симонов. Фотография военных лет

Огромную популярность приобрела поэма «Василий Теркин», принесшая известность Александру Твардовскому. У многих писателей творческий взлет произошел именно в военные годы (Михаил Исаковский, Алексей Сурков, Илья Эренбург, Виктор Некрасов, Ольга Берггольц и др.). Одним из авторов, без которого немыслима оказалась литература о войне, стал Константин Михайлович Симонов.

Автор

Константин Симонов (1915–1979) принадлежал к роду русских князей Оболенских. Его мать — княжна Александра Оболенская, отец — генерал царской армии, погибший в Первую мировую. Отчим, который воспитывал Симонова и оказал на него большое влияние, тоже был военнослужащим, героем двух войн. Так как отношение к дворянству и к офицерству в то время было крайне негативным, то Симонову приходилось скрывать свое происхождение.

Имея тягу к литературе и писательству, Симонов поступил в Литературный институт им. Горького, после окончания которого его вскоре призвали на службу в качестве военного корреспондента. С первых же дней войны и до мая 1945 года он не оставлял этой должности. Незадолго до отбытия на фронт Симонов решает изменить родное имя Кирилл на Константин. Причина была в том, что произносить собственное имя ему было трудно: он не выговаривал «р» и «л». Совсем скоро Константин Симонов приобретает всесоюзную известность как писатель. С первого же дня войны он осознал ее грандиозное историческое значение. Не случайно Симонов практически всю войну вел дневники. 1941 год расписан им практически ежедневно. Все знали, что он не отсиживается в тылу, что материалы, которые он привозит с фронта, — это свидетельство очевидца событий. Для многих военных людей писатель сразу же становился своим человеком, реальным фронтовым товарищем. Все знали, что если текст написан Симоновым, то в нем нет лжи.

Литературное наследие Симонова велико. Он автор романной трилогии «Живые и мёртвые», сценариев, очерков и многочисленных стихотворений. Однако самое главное стихотворение, принесшее Симонову известность, — это «Жди меня», которое стало настоящей поэтической молитвой и гимном ожидания в годы войны.

Произведение

Свое знаменитое стихотворение Константин Симонов написал летом 1941 года. Оно было посвящено актрисе театра и кино Валентине Серовой. Публиковать этот текст поэт не хотел, так как считал его очень личным и читал его только самым близким знакомым, которые восхищались им, называя лекарством от тоски. Однако осенью поэт решает во что бы то ни стало опубликовать стихотворение. О причине этого Симонов писал: «Несколько месяцев спустя, когда мне пришлось быть на далеком севере и когда метели и непогода иногда заставляли просиживать сутками где-нибудь в землянке <…> мне пришлось самым разным людям читать стихи. И самые разные люди десятки раз при свете коптилки или ручного фонарика переписывали на клочке бумаги стихотворение «Жди меня», которое, как мне раньше казалось, я написал только для одного человека». Он понял, что тысячам людей необходимы эти строки, в которых звучал призыв к спасительному ожиданию.

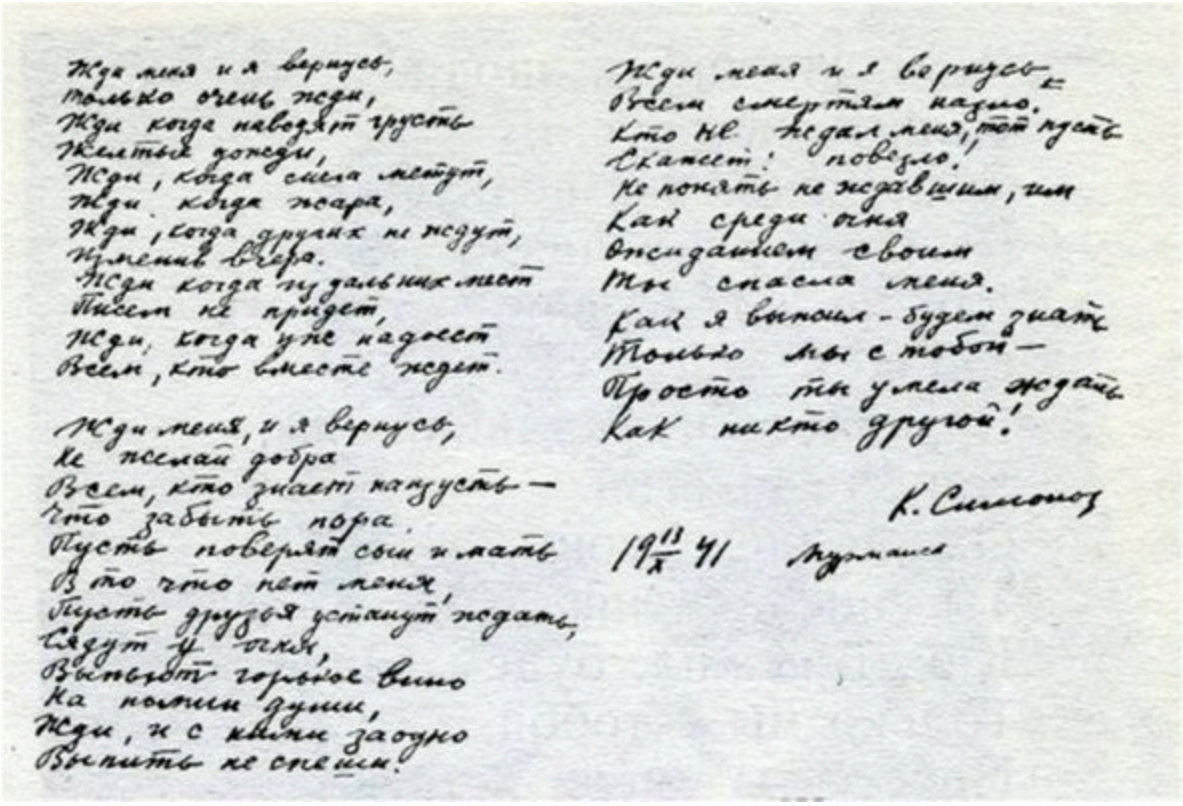

Валентина Серова — муза поэта, которой он изначально посвятил «Жди меня»

Сначала поэт хотел опубликовать «Жди меня» в газете «Красная звезда», где он работал. Однако редактор поколебался и вернул текст автору, сказав, «что эти стихи, пожалуй, не для военной газеты, мол, нечего растравлять душу солдата — разлука и так горька!» В итоге стихи были опубликованы в главной газете страны — «Правде». Впрочем, еще до публикации стихотворение стало известно фронтовикам, так как его переписывали и учили наизусть.

Стихотворение стало настоящей поэтической молитвой. В условиях войны, в эти страшные 1941–1942 годы, когда еще ничего не было ясно об исходе войны, когда надежда на возвращение была исчезающе мала, эта вера в спасительную любовь, в силу любви была людям необходима.

Суть симоновского моления сконцентрирована в вечных христианских ценностях — вере, любви и надежде. «Жди меня» посылали с фронта в тыл и из тыла на фронт. По свидетельствам участников войны, оно вселяло надежду в тех, кто верил, что их ждут, и в тех, кто ждал.

Жди меня и я вернусь,
только очень жди,
Жди когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уже надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть —
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души,
Жди, и с ними заодно
Выпить не спеши!

Жди меня и я вернусь —
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил — будем знать
Только мы с тобой —
Просто ты умела ждать
Как никто другой!

К. Симонов

19 II/X 41 Мурманск

Рукопись стихотворения

На протяжении многих лет уже после окончания войны Симонов получал письма от людей, которым в трудную минуту помогали его стихи. Для женщин, которые ждали с войны своих мужчин, «Жди меня» стало настоящим гимном верности. Так, одна женщина рассказала автору стихотворения о том, как каждый день надеялась получить от мужа весточку с фронта: *«Я ежедневно многократно заглядывала в почтовый ящик и шептала, как молитву, «жди меня, и я вернусь всем смертям назло…» и добавляла: «Да, родной, я буду ждать, я умею».*

Корреспондент Константин Симонов беседует с санитарками военного госпиталя

Симонов писал: *«Помню лагерь наших военнопленных под Лейпцигом. Что было! Неистовые крики: наши, наши! Минуты, и нас окружила многотысячная толпа. Невозможно забыть эти лица исстрадавшихся, изможденных людей. Я взобрался на ступеньки крыльца. Мне предстояло сказать в этом лагере первые слова,*

пришедшие с Родины… Чувствую, горло у меня сухое. Я не в силах сказать ни слова. Медленно оглядываю необъятное море стоящих вокруг людей. И наконец говорю. Что говорил — не могу сейчас вспомнить. Потом прочел «Жди меня». Сам разрыдался. И все вокруг тоже стоят и плачут… Так было».

Симонов читал свое стихотворение перед публикой сотни раз уже после войны. И сегодня «Жди меня» не теряет своей силы.

Арсений Тарковский

«Сталкер русской поэзии», один из крупнейших поэтов-мыслителей XX века. Наследник Серебряного века, переводчик и отец кинорежиссера Андрея Тарковского, Арсений Александрович Тарковский — в проекте «50 великих стихотворений».

Вот и лето прошло…

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало.
На пригреве тепло.
Только этого мало.

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,

Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Все горело светло,
Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала,
Мне и вправду везло.
Только этого мало.

Листьев не обожгло,
Веток не обломало…
День промыт, как стекло,
Только этого мало.

Исторический контекст

Стихотворение «Вот и лето прошло…» было написано Арсением Тарковским в 1967 году.

Период 60–70-х годов XX века называют «поэтическим бумом». Во время «оттепели» возрастает общественный интерес к лирике, а поэзия переживает невероятный за последние несколько десятилетий подъем. «Настал черед» произведений тех авторов, которые долгие годы находились под запретом.

Арсений Тарковский. Молодые годы

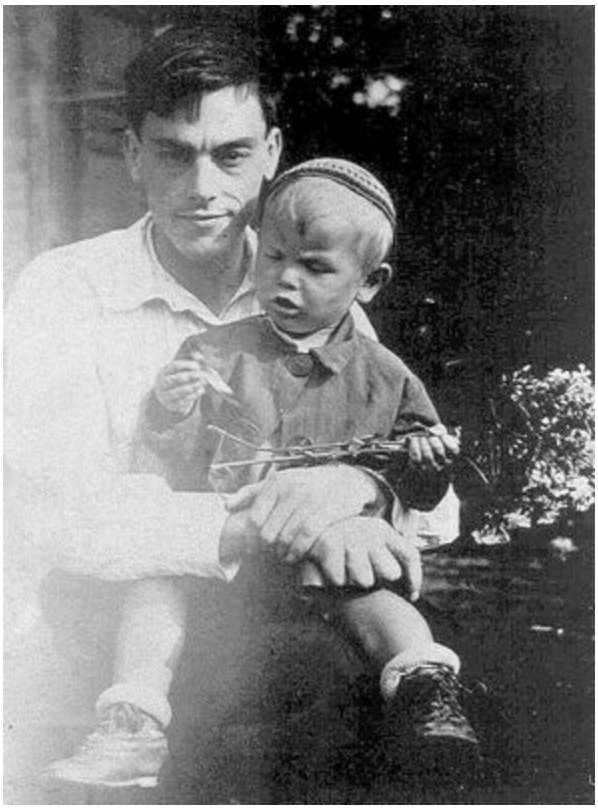
В поэзии этих лет выделяются две основные линии: «громкая» («эстрадная») лирика, представители которой (Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский и другие) прислушивались к настроениям общества, и «тихая» лирика (в первую очередь это стихи Николая Рубцова). «Тихие» поэты обращались к вопросам о взаимоотношении природы и человека и о смысле человеческой жизни.

Также во второй половине XX века создают свои произведения поэты, чье творчество было близким к эпохе Серебряного века. Они писали о вечном, не оглядываясь на календарь или часы. Именно таким поэтом был Арсений Александрович Тарковский.

Автор

Жизнь Арсения Тарковского (1907–1989) охватила практически весь двадцатый век. Он родился 25 июня 1907 года в украинском Елисаветграде (сейчас — город Кропивницкий) в интеллигентной семье. Его отец был образованным человеком, переводчиком, который привил сыну любовь к литературе и языкам. Вместе с отцом и братом Арсений посещал поэтические вечера известнейших поэтов Серебряного века — Константина Бальмонта, Игоря Северянина и Федора Сологуба.

В 1921 году после установления советской власти на Украине молодого Тарковского едва не осудили за политически сомнительное стихотворение в местной газете.

Арсений Тарковский с маленьким сыном Андреем

Отучившись в гимназии и в музыкальной школе, в 17 лет Тарковский приехал в Москву и поступил на Высшие литературные курсы, где с ним учились Даниил Андреев (сын писателя Леонида Андреева) и поэтессы и переводчицы Мария Петровых и Юлия Нейман.

Тарковский работал в газете «Гудок», где начинали свой творческий путь Михаил Булгаков, Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров. Здесь Тарковский писал стихотворные фельетоны, судебные очерки и басни под псевдонимом Тарас Подкова.

В 1942 году Тарковский был назначен военным корреспондентом газеты «Боевая тревога», где он писал заметки, небольшие юмористические произведения и стихи, которые так полюбились солдатам, что они вырезали их из газет. В 1943 году Тарковский был ранен разрывной пулей и перенес ампутацию ноги. Из госпиталя поэт вышел в 1944 году. В этом же году скончалась его мать. Однако все эти трагические обстоятельства не сломили поэта, и он нашел в себе силы работать. Тарковский занимается переводами, а в 1946 году подготавливает к изданию свою книгу «Стихотворения разных лет». Но готовый сборник так и не попал в печать. Постановление Центрального комитета о журналах «Звезда» и «Ленинград», согласно которому произведения, не соответствующие духу партии, считались пустыми и безыдейными, лишило голоса многих авторов. Были «разгромлены» Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Под удар попала и книга Тарковского: по идеологическим причинам ее выпуск был запрещен.

Этот запрет Тарковский переживал очень тяжело, и даже с наступлением хрущевской оттепели не хотел публиковать свои произведения, писал в стол. Замкнувшись, он продолжал заниматься чужим словом — переводами европейских и восточных авторов. Об этом он напишет в стихотворении «Переводчик»:

> Для чего я лучшие годы
> Продал за чужие слова?
> Ах, восточные переводы,
> Как болит от вас голова.

Свое пятидесятилетие Арсений Тарковский отметил, не имея ни одного печатного сборника. Его первая книга стихов «Перед снегом» тиражом в 6000 экземпляров вышла только в 1962 году:

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел…

«Дебют» Тарковского случился, когда ему было уже 55 лет. В этом же 1962 году его сын, кинорежиссер Андрей Тарковский, получил Главный приз Венецианского фестиваля за фильм «Иваново детство». Андрей Тарковский говорил об отце: «Мой отец, конечно, сегодня — самый большой русский поэт. Вне всяких сомнений. С огромным духовным зарядом. Поэт, для которого самое важное — его внутренняя духовная концепция жизни. Он никогда не писал ничего, чтобы прославиться». В фильмах Андрея Тарковского неоднократно звучат стихотворения его отца. В «Зеркале» (1974) стихотворение «Первые свидания» читает сам Арсений Александрович.

В 1960-е годы сборники стихотворений Арсения Тарковского начинают выходить один за другим. Он выступает на литературных вечерах, ведет поэтическую студию при Московском отделении Союза писателей.

В марте 1966 года умирает Анна Ахматова. Ее смерть Тарковский воспринял как личное горе: поэты были очень близки. Позже Тарковский посвятил Ахматовой целый цикл стихотворений.

В последующие десятилетия Тарковский, несмотря на преклонный возраст, активно работает, путешествует за границу в составе делегации советских писателей. В 1986 году случилась трагедия — от рака умер его сын Андрей Тарковский. А 27 мая 1989 года, на три года пережив сына, ушел и Арсений Тарковский. Для прощания с ним был предоставлен Большой зал Центрального дома литераторов. Отпевали поэта в храме Преображения Господня в Переделкине.

О религиозных взглядах Арсения Тарковского

Тарковский был верующим, православным человеком. Интересно, что поэт называл своим наставником в вере академика Владимира Вернадского: *«Вернадский развивал у меня теологическое мышление — для этого давал читать много книг, в том числе Павла Флоренского, Сергия Булгакова. Они и оказали на меня решающее влияние».*

Арсений Тарковский (на заднем плане – Андрей Тарковский)

По словам поэта Михаила Синельникова, «Тарковский был церковно религиозен». Он читал Священное Писание, интересовался русской религиозной философией и различными вопросами библеистики. В стихотворениях Тарковского часто встречаются библейские образы и религиозные мотивы. Нередко фигурируют имена праотцев Адама и Иакова, пророков Ветхого Завета Давида, Исайи, Иезекииля, апостолов Иоанна и Петра.

Произведение

Арсений Тарковский написал свое знаменитое «Вот и лето прошло…» в 1967 году. Опубликовано стихотворение было в 1969 году в поэтической книге «Вестник», в которой были собраны стихотворения 1966–1971 годов. На момент написания текста Тарковскому было уже 60 лет.

Несмотря на то, что в этом стихотворении не встречается конкретных библейских имен и сюжетов, оно имеет точное христианское измерение. Тарковский касается темы соотношения временного и вечного, божественного и человеческого. Это стихотворение о том, как сильно человек нуждается в присутствии Бога.

Без Него всегда будет чего-то не хватать, хотя на первый взгляд ничто не пропало даром и «все горит светло» в этом цикличном повседневном мире.

Душа всегда просит не сиюминутного, не обыденного, не того, что ложится прямо в руки, — этого всегда будет не хватать. Она просит непреходящего для того, чтобы ощутить полноту, духовно насытиться. Всякой земной радости будет мало, если не помнить о высшей Божественной радости и любви. Это прекрасно понимает лирический герой, прислушиваясь к себе, исповедально передавая тоску по высокому, горнему, вечному.

Марина Цветаева

Марина Цветаева не раз признавалась, что Благовещение Пресвятой Богородицы было ее любимым праздником. Ему она посвятила несколько стихотворений.

В день Благовещенья…

В день Благовещенья…
В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты, —
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:

Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
— Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
— Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

Исторический контекст

Стихотворение Марины Цветаевой написано в 1916 году — в разгар Первой мировой войны.

Военные события и предощущение грядущих революционных потрясений не могли не отразиться в русской литературе. Писатели и поэты по-разному воспринимали происходящее. Многие отправились на фронт, запечатлев увиденное в своих произведениях (например, Николай Гумилёв и Александр Блок). Сергей Есенин служил санитаром, а Алексей Толстой и Валерий Брюсов были военными корреспондентами. Их поэтические свидетельства прекрасно передавали состояние человека на войне. Те же, кто не принимал непосредственного участия в баталиях, не менее остро ощущали сопричастность к общеевропейской катастрофе.

Писателей волновало не столько натуралистическое изображение войны, сколько ее образное духовное осмысление. В годы Первой мировой, в преддверии революции и Гражданской войны, авторы все чаще говорят о непреходящих ценностях, о необходимости единения и сохранения человечности, обращаются к культурным и религиозным традициям страны.

Автор

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) родилась в семье ученого, искусствоведа, основателя Музея изящных искусств имени императора Александра III (ныне Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) Ивана Цветаева (1847–1913). Девочка росла в православной среде. Ее дед был священником, в семье всегда отмечались церковные праздники. Цветаева хорошо знала христианские традиции и часто использовала религиозные мотивы в своей лирике. Например, она не раз подчеркивала, что родилась в день памяти апостола Иоанна Богослова (26 сентября / 8 октября):

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.

Марина Цветаева (фото 1911 года)

В знаменитом стихотворении «Красною кистью / Рябина зажглась» (1916) тоже упомянут «день субботний: Иоанн Богослов». Цветаева

начала писать стихи еще в раннем детстве. На первый поэтический сборник 18-летней поэтессы «Вечерний альбом» благосклонно откликнулись поэты Брюсов, Гумилёв, Волошин, Шагинян и другие литераторы.

В ранних стихотворениях Цветаевой очень сильна атеистическая нота, поэт сомневается в существовании Бога. Однако взросление и переживание Первой мировой войны сильно изменили взгляды Цветаевой на православную веру. В эти годы ее поэзия — это поэзия человека, который явно расположен к христианству. Религиозные темы и библейские образы теперь становятся одними из главных в ее творчестве.

Чем сильнее в военные годы и во времена революции и Гражданской войны утверждается атеизм как главенствующий принцип жизни (особенно после победы большевиков), тем более настойчиво и вопреки всему стихи поэтессы наполняются религиозными переживаниями, утверждением православной веры, церковности. Достаточно просто прочесть названия стихов того времени: «Первый день Пасхи», «Вербное воскресенье 1918»,«Сергиев день», «Успение», «Канун Благовещенья», «Пасхальная неделя», «Третий день Пасхи 1918» и т. д.

Часовня Иверской Иконы Божьей Матери

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное горит.

«Иверское сердце» — это Иверская икона Божией Матери в часовне у Воскресенских ворот, ведущих на Красную площадь. В 1929 году, после прихода к власти большевиков, часовню снесут. Восстановлена она будет только в 1995 году.

В политическом плане в годы Гражданской войны Цветаева поддерживает белогвардейцев. В Белой армии служил ее муж Сергей Эфрон. В стихах она не боится воспевать Белое движение и ругать тех, кто пускал «монастыри — с молотка — на слом» и превращал «соборы — в стойла». Стихи, написанные в годы Гражданской войны, Цветаева объединила в сборник «Лебединый стан», который не был опубликован при ее жизни. За границей его напечатали в 1957 году, а в СССР — только после начала перестройки.

Марина Цветаева и Сергей Эфрон

Итогом противостояния Цветаевой большевизму стал ее отъезд за границу. В эмиграции ей жилось нелегко: недостаток денег, непригодные условия для творчества, отсутствие серьезной читательской публики. В 1939 году она возвращается в Москву и оказывается в полнейшей изоляции. Ее мужа и дочь Алю арестовывают и подвергают пыткам (в результате Сергея Эфрона расстреляют, а Алю (Ариадну Эфрон) на 16 лет отправят в сталинские лагеря). Находясь в тяжелейших условиях военного времени, Цветаева

не перенесла свалившихся на нее бедствий. По ее словам, она «попала в тупик», впала в состояние душевного недуга и покончила с собой, когда ей было всего 48 лет.

Марина Цветаева (фотография последних лет жизни)

Однако Православная Церковь восприняла эту трагедию не как сознательный грех, а как результат психического расстройства. В момент душевного потрясения человек не осознает своих действий. Таким неосознанным поступком и было признано самоубийство Цветаевой. Поэтому в 1990 году ее сестра Анастасия получила официальное разрешение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на отпевание Марины Ивановны. С этих пор Церковь молится об упокоении рабы Божией Марины.

Произведение

Стихотворение «В день Благовещенья…» имеет точную датировку — 23 марта 1916 года. Многие литературоведы считают 1916-й годом зрелости цветаевского таланта. В ее стихах отчетливо начинает звучать христианская нота.

Благовещенье, по словам самой Цветаевой, было ее любимым праздником. Двунадесятый праздник Благовещенья Пресвятой Богородицы приходится на 7 апреля (по старому стилю — 25 марта). Слово «Благовещенье» означает «благая», «добрая» весть. Согласно Евангелию, в этот день Деве Марии явился архангел Гавриил, который возвестил о том, что именно Ей предназначено вскоре родить Младенца, который станет Спасителем мира (Лк 1:26–33).

Цветаева трепетно относилась к этому дню. Каждая строчка стихотворения отражает искреннюю радость поэта. В тексте вспоминается старинный народный обычай отпускать на волю птиц в праздник Благовещения. Эта традиция связана с началом весны, освобождением природы, полнотой жизни, которая наступает с весной. Вместе с вестью о том, что в мир вскоре войдет Спаситель, все живое, весь мир получает первую весть об освобождении. Наступает весна всего человечества — весна Христова.

Свобода — это ощущение крыльев за спиной, которое появляется у человека вместе с Благой Вестью. Это превращение рук в крылья выражено в самых первых строках стихотворения: «В день Благовещенья / Руки раскрещены».

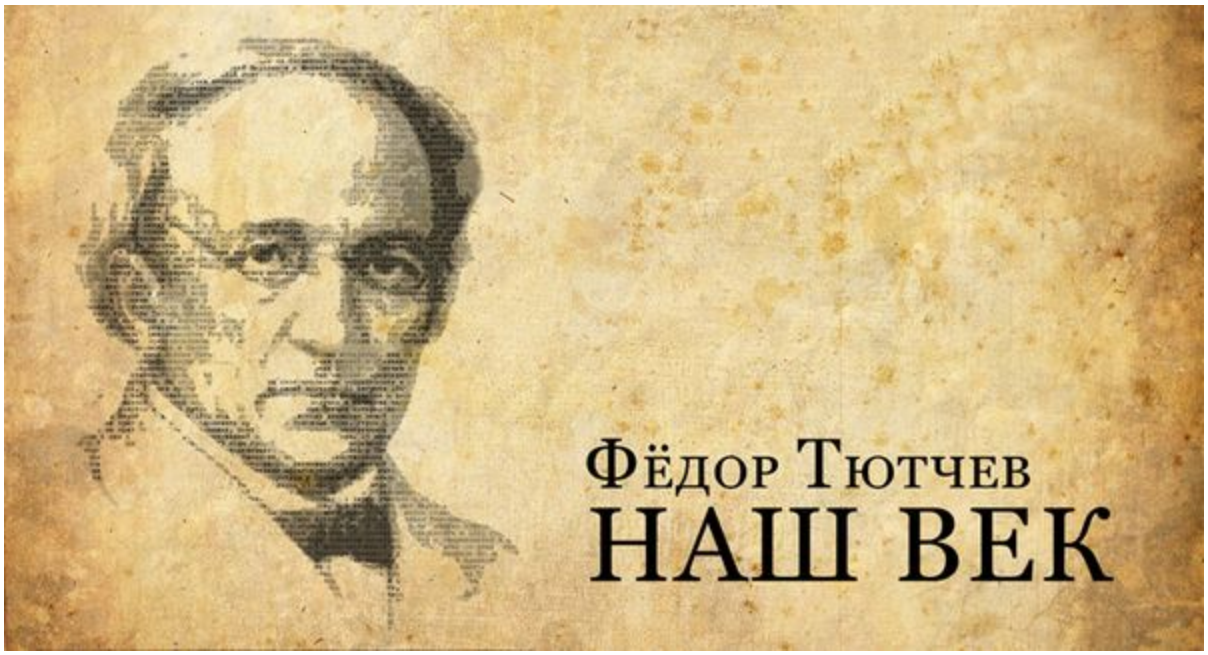
В произведении сочетаются полная свобода любого существа, надежда на пробуждение всего (политый цветок обязательно расцветет) и при этом готовность дарить свободу, не иметь ничего кроме радости («Ничего для себя не надо мне»). Обо всем этом в день Благовещенья до самого вечера улыбается Марина Цветаева.

В стихотворении есть излюбленный прием русского фольклора: троекратный повтор ключевой фразы «Благовещенье, праздник мой!». В умении ориентироваться на народную традицию поэт Иосиф Бродский считал Марину Цветаеву самым чутким поэтом XX века.

«В день Благовещенья…» далеко не единственное стихотворение, посвященное этому празднику. Через день появится «Канун Благовещенья…» (24-25 марта 1916), через два года — «Закинув

голову и опустив глаза…» (1918), и наконец, в 1921 году, когда после нескольких лет тревог Цветаева получает весть о том, что жив ее муж Сергей Эфрон, она пишет целый цикл стихов. Название прежнее — «Благая весть».

Фёдор Тютчев

Кризис веры — всегда актуальная тема для русской литературы. Ее осмыслению посвящено множество поэтических строк.

В середине XIX века к ней обращается родоначальник русской философской лирики Ф. И. Тютчев. Свои мысли по поводу вечной проблемы веры и неверия поэт выразил в стихотворении «Наш век».

«Наш век»

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует…
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит…

И сознает свою погибель он,
И жаждет веры… но о ней не просит…

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Исторический контекст

Стихотворение «Наш век» написано Ф. И. Тютчевым в годы, которые в истории литературы именуются «мрачным семилетием» (1848–1855). «Царство мрака в России» — так определяет литературный критик Павел Анненков состояние страны в этот период, когда русское общество испытало влияние прокатившихся по Европе революций. От патриархального уклада в западных странах не остается и следа. В России тяжело воспринимался последний этап царствования Николая I (особенно — либеральной интеллигенцией).

В эти годы государство пристально следит за всеми сферами общества, в том числе за деятельностью различных социальных и литературных группировок. Так, в 1849 году был разгромлен кружок петрашевцев — объединение революционно настроенных молодых людей. 21 человек из 123-х опасных «вольнодумцев», среди которых был писатель Ф. М. Достоевский, были приговорены к смертной казни. Однако суд смягчил приговор, устроив инсценировку. В самый последний момент, когда на участников объединения уже были надеты предсмертные рубахи, расстрел был заменен каторгой.

Цензура достигает своего пика. В годы «мрачного семилетия» произошло то, что один из видных критиков и писателей Российской империи А. И. Герцен охарактеризовал так: «русская поэзия онемела». Ведущие литературные журналы практически перестают печатать стихи.

Правительство было напугано событиями политического террора в Западной Европе: не хотелось аналога революции 1848 года на русской почве. Однако сценарий развивается печальным образом: зреют оппозиционные взгляды в высших слоях общества, вспыхивают крестьянские восстания. Все усугубляется тяжелейшей международной обстановкой: потерями русской армии в Крымской войне (1853—1856). Увенчивается «мрачное семилетие» смертью Николая I в 1855 году.

Духовно-нравственная и интеллектуальная жизнь в России той поры характеризуется распространением (несмотря на гонения) оппозиционных настроений, все более острого скепсиса в отношении сразу и устройства власти в России, и тем религиозных. Христианские ценности в их церковном понимании, воспринимались многими как ретроградство и тормоз в развитии страны. Взоры всё чаще обращались в сторону западного революционаризма и республиканских идей. Однако существовали деятели культуры и искусства, которые главной проблемой помрачения эпохи, напротив, считали именно такой разброд и шатание умов, отход от веры, от верности монархии. И люди эти не скрывали своих взглядов. Среди них оказался Ф. И. Тютчев.

Автор

Путь к своему читателю для Тютчева был долог и труден. Жизнь Тютчева долгое время не была связана с поэзией, которую он считал увлечением:

> В наш век стихи живут два-три мгновенья,
> Родились утром, к вечеру умрут…
> О чем же хлопотать? Рука забвенья
> Как раз свершит свой корректурный труд.

1856 г. Фотография Сергея Левицкого

Воспитанный в дворянской среде, закончивший Московский университет, Тютчев более двадцати лет провел на дипломатической службе в Италии и Германии. Его творчество оказалось замеченным только в начале 1850-х годов, когда Тютчеву было почти 50 лет. Первооткрыватель Тютчева — поэт и публицист Николай Некрасов, написавший в статье «Русские второстепенные поэты», что относит Тютчева к «первостепенным поэтическим талантам». Так был дан толчок к прекращению длительного молчания вокруг творчества и имени поэта, который выходит на литературную арену.

У Тютчева был особый религиозно-философский взгляд на предназначение и сущность России. Поэт-дипломат излагает его в двух статьях — «Россия и Германия» и «Россия и революция». Он считал революцию чуждым элементом для страны, а саму Россию — достойной называться единственной «христианской державой», исповедницей православной веры. Он признает, что Россия переживает кризис, вызванный тем, что человек отдаляется от Бога, не

связывает свою мысль с Церковью, тонет в своей гордыне, пучине холодного рационализма и собственных эгоистических страстях. О своих взглядах он говорит не только в публицистике, но и в поэзии они звучат совершенно открыто.

О произведении

Стихотворение «Наш век» написано Тютчевым в 1851 году в Москве. Поэт горестно сетует на духовные метания современного человека: «Не плоть, а дух растлился в наши дни». Тление духа проистекает от безверия, которое губит душеспасительное религиозное восприятие мира.

Парадокс человека «нашего века» состоит в том, что он хочет верить, но не просит о вере в силу своей гордости, происходящей из бездуховного состояния общества, которое одержимо революционными идеями. Можно сказать, что Тютчев предвосхищает главную идею романа «Идиот» Ф. М. Достоевского: «Столько силы, столько страсти в современном поколении, и ни во что не веруют». Однако из уст человека современности все-таки вырывается отчаянный призыв о помощи к Богу в утверждении веры.

1864 г.

Отсылки к Библии

Заключительные строки стихотворения «Впусти меня! — Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!..» восходят к библейскому сказанию об исцелении Иисусом Христом бесноватого отрока. Отец мальчика просит Спасителя вылечить своего сына. *Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! Помоги моему неверию (Мк 9:23–24).*

Использование евангельской цитаты в самом конце «Нашего века» — это не только изображение, казалось бы, безнадежности безнравственного состояния современного мира и всего века, но и молитвенный призыв к преодолению религиозного кризиса в душе автора и в душах его современников. И необходимо сказать, что в

середине 50-х годов, после политического террора и религиозного кризиса, Россия начинает вступать в пору духовного подъема.

Непонятные слова

Растлиться (книжн.) — развратиться, стать безнравственным
Обретши (устар. форма) = обретя, отыскав, найдя
Роптать — высказывать недовольство или обиду
Днесь (церк. книжн., старин.) — теперь, сегодня
Скорбеть (книжн.) — горевать, печалиться

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!